

ISSN 2072-5574

**ВОПРОСЫ
ЭКОНОМИКИ И ПРАВА**

**№4 (130)
2019**

Редакционный совет

А. П. Торшин — кандидат юридических наук, Заместитель председателя — статс-секретарь Банка России, Председатель редакционного совета журнала «Вопросы экономики и права»

Е. М. Ашмарина — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия, Главный редактор журнала «Вопросы экономики и права»

А. Г. Лисицын-Светланов — доктор юридических наук, профессор, академик РАН, Институт государства и права Российской академии наук

В. Н. Викторов — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра специал. программ С.-Петербург. горного университета

Ю. В. Голик — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

С. Н. Сильвестров — доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, Директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

А. А. Ливеровский — доктор юридических наук, профессор Кафедры конституционного и административного права НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге

Журнал включен в Перечень ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Учредитель: ООО «Экономические науки»
Адрес: 125057, г. Москва, Чапаевский пер., 3–775
E-mail: info@law-journal.ru
Сайт: http://law-journal.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-31419 от 6 марта 2008 г.

Подписной индекс 20387 (Агентство «Роспечать»)

ISSN 2072-5574

Дата выхода издания 30.04.2019

Формат 60x84/8

Усл. печ. л. 6.63

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «24 Принт»

Редакционная коллегия

Е. М. Ашмарина — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия, Главный редактор журнала «Вопросы экономики и права»

О. Ю. Бакаева — доктор юридических наук, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии

В. В. Болгова — доктор юридических наук, профессор, Первый проректор по учебной и воспитательной работе, зав. кафедрой теории и философии права Самарского государственного экономического университета

А. А. Павлушина — доктор юридических наук, профессор, Директор института права Самарского государственного экономического университета

С. А. Махошева — доктор экономических наук, профессор, Зав. отделом «Региональный менеджмент» Института информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук

А. М. Михайлов — доктор экономических наук, профессор Самарского государственного экономического университета

В. В. Симонов — доктор экономических наук, профессор, Зав. кафедрой истории Церкви Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

И. А. Шулятьев — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

А. А. Алексеев — доктор экономических наук, профессор, Директор Центра инновационного развития, профессор кафедры экономики предприятия и производственного менеджмента Санкт-Петербургского государственного экономического университета

В. Ф. Понька — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов

А. Г. Зельднер — доктор экономических наук, профессор Института экономики Российской академии наук

М. Ф. Гуськова — доктор экономических наук, профессор Института пути, строительства и сооружений Российского университета транспорта (МИИТ)

П. В. Павлов — доктор экономических наук, доктор юридических наук, доцент, директор Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного Федерального Университета

Р. И. Ханселяров — доктор экономических наук, профессор Самарского государственного экономического университета

Главный редактор

доктор юридических наук, профессор **Е. М. Ашмарина**

Ответственный секретарь редакции

доктор юридических наук, профессор **В. В. Болгова**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Гаджиева К.А. Роль участника выборов в избирательном процессе	7
Джикаева Ф.З. Защита прав интеллектуальной собственности в сети интернет	11
Дубровин М.А. Глобальный неокOLONиализм: формулирование понятия	14
Зяблова Т.Е., Комарова Я.Б., Мамчун В.В. Понятие дисфункции как инструмент функционального анализа права	18
Соколов А.В. К вопросу эффективности нововведений в избирательные технологии	24
Посохов С.П. Непреодолимая сила и невозможность	26
Барковская Л.Е. Виды организаций, создаваемых для осуществления и защиты интеллектуальных прав в России	29

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО; БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

Бабаян З.М. Объект налогообложения как элемент налога на имущество физических лиц	37
---	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Понька В.Ф. Правовое регулирование ипотечных правоотношений в законодательстве Германии	43
---	----

ECONOMIC AND LAW ISSUES (АНГЛИЙСКАЯ ВЕРСИЯ)	47
---	----

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

РОЛЬ УЧАСТНИКА ВЫБОРОВ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

© 2019 Гадзиева Кристина Александровна

Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара

E-mail: Gadzieva.k@mail.ru

Статья посвящена некоторым характерным чертам политической личности участника выборов. В работе определяется роль и политический портрет участника избирательного процесса как одной из основополагающих фигур в избирательном процессе Российской Федерации. Рассмотрены основные положения, касающиеся свободы слова, а также ее ограничения при проведении предвыборной кампании и выборов. Сделан акцент не только на политико-правовом портрете участника выборов, но и проведен необходимый анализ особенностей личностных качеств, которыми в идеале должен обладать каждый участник предвыборной гонки. Определена возрастная граница при проведении выборов, проанализирована проблема о необходимости наличия высшего образования у участника предвыборной гонки, выделены функции участника выборов, выделено итоговое понятие профессионального участника предвыборной кампании перед обществом.

Ключевые слова: выборы, предвыборная кампания, избирательный процесс, голосование, модель поведения, участник выборов, делегирование полномочий.

Участник предвыборной гонки — центральная фигура в предвыборной кампании, это своеобразное ядро, вокруг которого происходят основные действия, связанные с избирательным процессом.

П. Мерло отмечает: «Выборы — это часть, и важнейшая, политического по своей сути процесса и должны рассматриваться в общем контексте того, как в стране уважают и защищают гражданские и политические права» [1].

Очень верное утверждение, ведь выборы в конечном итоге направлены на делегирование полномочий в той или иной сфере лицу, которое сможет достойно представлять и защищать права и интересы граждан, будь то выборы президента или выборы в Государственную думу.

Участники избирательной кампании — граждане, предполагаемые к избранию либо назначению в органы государственной власти или органы местного самоуправления.

Право быть избранным — это, как широко известно, пассивное избирательное право. Оно предоставлено всем гражданам государства, проходящим под специальные цензы. К примеру, возрастной ценз кандидата в президенты РФ — граница в 35 лет.

Несомненно, дискуссии о роли и сущности участника выборов — один из наиболее сложных и коллизионных вопросов в избирательном процессе.

Итак, важно отметить, что функции участ-

ника предвыборной гонки можно охарактеризовать следующими, преимущественно, тремя основными положениями [2]:

1. От воли участника избирательного процесса непосредственно зависят его функции в выборной гонке.

2. Участник выборов являет собой основные возможности объективного совершения действий не от своего имени, а от имени представляемого лица.

3. Функции участника выборов исходят от прав, которыми наделены избиратели.

Интересно указать, что как раз основная функция участника избирательного процесса, состоит в том, чтобы делегировать ему полномочия для представления непосредственно своих интересов избирателями.

Так какова же роль участника предвыборной кампании в избирательном процессе? Действительно, роль участника выборов в избирательном процессе нивелировать не представляется возможным.

Можно попытаться сделать умозаключение о том, что деятельность участника выборов по своей сути сравнима с деятельностью адвоката или судебного представителя, подобно тому как адвокат защищает интересы своего доверителя, так и участник выборов по своей сути защищает и отстаивает интересы граждан, лицом которых он является.

Также необходимо указать на тот факт, что

участниками предвыборной кампании объективно являются дееспособные лица, которые имеют должным образом оформленные полномочия на ведение дела.

Но существуют также исключения из этого правила [3]:

- прокуроры,
- следователи,
- судьи.

При этом у них есть возможность принимать участие в избирательном процессе в роли представителей определенных органов или законных представителей [4].

Кроме того, надо отдать должное институту представительства, так как данный институт является одной из важнейших возможностей, которые применяются в сфере не только процессуальных, но и материальных правоотношений.

Так, для получения возможности участвовать в предвыборной кампании лицо должно отвечать высоким профессиональным и нравственным требованиям [5]:

- иметь безупречную репутацию,
- иметь высшее образование,
- опыт работы,
- основательно знать законодательство,
- обладать определенным набором нравственных и моральных качеств.

Ключевой проблемой в научной литературе и с практической точки зрения выступает то, что эти лица могут:

- быть недостойными с моральной точки зрения (например, иметь судимость);
- не обладать навыками ораторского искусства;
- не иметь образования;
- не иметь опыта и практики применения имеющихся знаний.

Но объективно, разве участвовать в выборах может лицо, имеющее исключительно высшее образование?

Поэтому вопросу мнения разделяются.

Необходимо отметить, что грамотное соблюдение требований к участникам предвыборной кампании, в том числе, имеет непосредственно важное значение для практики избирательного процесса.

Тем более что несоблюдение подобных требований приводит к привлечению к ответственности в указанной области. Данный вопрос будет рассмотрен ниже.

В настоящий период времени важное зна-

чение приобретает контроль за деятельностью участников предвыборных гонок. Это очень важно для точного соблюдения прав и свобод граждан.

Важно отметить, что в настоящее время особенно остро существует необходимость в повышении требований к эффективности деятельности представителей интересов народа в целом [6].

Поэтому, на наш взгляд, наличие высшего, в том числе и юридического образования еще не является гарантией того, что лицо, желающее представлять интересы граждан, будет грамотным, подкованным в самых разных отраслях [7].

Кроме того, по нашему мнению, не следует уравнивать между собой наличие судимости и моральную неполноценность, к тому же если речь идет о судимости за неосторожные преступления. Тем более что отсутствие судимости не является гарантией моральной чистоты лица.

Какие бы были необходимы новшества в регламентации деятельности участников выборов для повышения эффективности и уровня качества их деятельности:

- активное включение участников в социальные сферы жизни общества;
 - возможное возрастание роли выборов и, как следствие, повышение квалификации участников предвыборной гонки;
 - восстановление справедливости относительно возлагаемых на кандидатов ограничений;
 - государство получит право контролировать деятельность кандидатов на выборы, следовательно, независимость как сущностное свойство природы данного института гражданского общества нивелируется [8];
 - естественная тенденция объединения юристов вокруг предвыборной кампании;
 - критерий квалификации — образование и опыт;
 - ликвидация различных правозащитных организаций;
 - лишение граждан права выбора субъекта предоставления юридической помощи;
 - налоговые поступления в бюджет.
- Аргументы «против»:
- нарушение конституционного права на свободное использование своих способностей для не запрещенной законом экономической деятельности;
 - необходимость ужесточить отбор канди-

датов, ввести переэкзаменовку, более суровые меры взыскания.

- неуправляемый поток неквалифицированных кадров;
- опасения по поводу конкуренции в лице коллег, внедряющихся в сообщество по упрощенной схеме;
- отсутствие единых стандартов;
- отсутствие правового регулирования деятельности участников предвыборной кампании и квалификационных требований к ним;
- подрыв традиционных профессиональных и нравственных устоев в сложившейся системе выборов;
- пресечение недобросовестной конкуренции;
- система юридического образования, не соответствующая высоким задачам квалифицированной правовой защиты граждан;
- узкая и порой недостаточная квалификация;

Но, как показал опыт прохождения практики, существуют некоторые коллизии в законодательстве, которые связаны с вопросами участников предвыборной кампании, как представителей. Данные вопросы требуют теоретических и практических решений [9].

Таким образом, участник предвыборной кампании должен:

- представлять и защищать честь и достоинство всего общества в целом;
- в точности понимать объективные правовые и моральные ценности в связи с каждым гражданином и всем обществом,
- не пренебрегать правилами морали и этики.

Функции участника выборов тесно связаны с такой особенно важной правовой категорией как права человека. Тем самым, роль участника предвыборной кампании определяется степенью общественного доверия [10].

Таким образом, мы можем выделить следующее понятие профессионального участника предвыборной кампании перед обществом — это система моральных и правовых обязательств перед гражданами, которые направлены на обеспечение реализации деятельности выборного представителя в интересах граждан с непосредственным соблюдением требований не только права, но и нравственно-этических норм.

Участник предвыборной кампании — это будущий общественный деятель, который в своем лице будет представлять интересы всего государства и каждого конкретного гражданина. Это трудная и ответственная работа, требующая сосредоточения всех сил, для достижения благополучия общества.

Библиографический список

1. П. Мерло Избирательный кампании и проблемы их подготовки: «Равное игровое поле» и демократические выборы // URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1995_4_Merlo2.pdf.
2. Обухова Т.Л., Курпичев Р.М. Проблемы положения представителей в судебном процессе // В сборнике: Ученые записки Нижегородский институт управления — филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Нижний Новгород, 2015. С. 211–215.
3. Бойцова И.С., Туганов Ю.Н., Чуленков А.Л. Анализ судебной практики по взысканию судебных расходов по делам о защите прав потребителей с участием представителей // Вестник Екатеринбургского института. 2015. № 1 (29). С. 55–58.
4. Малиненко Э.В. Проблемы социальной политики в Конституциях и Уставах субъектов Российской Федерации как источниках конституционного права // Труд и социальные отношения. 2018. № 4. С. 45.
5. Куняев Н.Н., Чернявский А.Е. Правовые основы ограничения права граждан на получение и распространение информации в демократическом государстве // Образование и право. 2018. № 5. С. 36.
6. Закомолдин А.В. О проекте федерального закона «Об оказании квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации» // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2009. № 2 (6). С. 100.
7. Корсаненкова Ю.Б. Роль экономической функции права социального обеспечения в преодолении социальных рисков // В сборнике: Современные риски и право: правовые средства предупреждения, управления, защиты. Сборник статей. Сер. «Муромцевские чтения » 2018. С. 169–175.

8. *Паращук С.А., Николаев К.А.* Обзор работы научно-практической конференции на тему «Конституционные основы антимонопольного регулирования и их реализация в нормах конкурентного права России» в рамках VIII Московской юридической недели «Конституция Российской Федерации и современный правопорядок» // Приложение к журналу Предпринимательское право. 2019. № 1.
9. *Афанасьев Е.Д.* Понятие риска в частном праве // В сборнике: Юридическая наука и практика на рубеже эпох: уроки прошлого, взгляд в будущее (к 135-летию со дня рождения профессора Юрия Петровича Новицкого) сборник трудов XIV Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме: Всероссийская научно-практическая конференция. 2018. С. 271–275.
10. *Мухутдинов С.С.* Место риска и права при рассмотрении судами уголовных дел политической направленности // В сборнике: Право и этика в глобальном обществе риска Материалы. 2016. С. 183–187.

ЗАЩИТА ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

© 2019 Джикаева Фатима Зауровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия, Владикавказ

E-mail: fatimajik@yandex.ru

В статье производится анализ механизма защиты прав интеллектуальной собственности в сети Интернет, некоторых пробелов законодательства, а также предложений по решению данной проблемы.

Ключевые слова: интернет, авторское право, интеллектуальная собственность, Гражданский Кодекс Российской Федерации, международное частное право, национальное законодательство.

На сегодняшний день интеллектуальная сфера деятельности человека имеет большое значение. Занимая значительную часть в нашей повседневной жизни, эта деятельность и возникающие в ее результате отношения должны регулироваться специальным законодательством. Одним из самых распространенных мест, где чаще всего возникают нарушения авторских прав является сеть Интернет. И тенденция сводится к тому, что количество нарушений растет с каждым годом. В первую очередь это связано с тем, что человеку проще украсть чужой результат интеллектуальной собственности, нежели придумать что-то свое.

По некоторым данным доля программного обеспечения нелегального происхождения составляет: в ФРГ — 50%, Франции — 57, Великобритании и Финляндии — 43, Швейцарии и США — 35, России — до 94% [7]. И это было только в 2013 году.

Как уже было отмечено выше, в большинстве случаев крадется именно авторское право. Оно возникает в момент создания нового результата интеллектуальной собственности, а автор данной собственности становится обладателем исключительных правомочий.

Если сравнивать авторское право с остальными исключительными правами, то оно обладает одним существенным преимуществом: авторское право возникает независимо от факта регистрации результата произведения, иными словами, лицо, которое написало произведение уже может не регистрировать свои права на него, они автоматически возникают у автора произведения науки, литературы или искусства.

По общему правилу автором произведения считается лицо, которое указано в качестве автора на оригинале или экземпляре произведе-

ния, или иным образом [2].

Но, в то же время, это преимущество так же является и недостатком, так как часто при нарушении авторских прав в сети Интернет пользуются тем, что у автора отсутствует государственная регистрация прав на его произведение, и доказать принадлежность произведения автору становится сложно.

Еще во времена существования Советского Союза об авторском праве и интеллектуальной собственности в целом, заговорили в 1973 году, когда СССР присоединился к Всемирной конвенции об авторском праве ЮНЕСКО, так же СССР объявило в 1989 году о своем намерении присоединиться к Бернской конвенции, но этого не произошло, так как государство юридически прекратило свое существование, но в 1994 году к Бернской конвенции присоединилась Российская Федерация, а 13 марта 1995 года она вступила в силу на территории нашей страны.

В нашей стране интеллектуальная собственность была упомянута впервые в 1990 году в Законе «О собственности в РСФСР» от 24 декабря 1990 года. В нем говорилось: «Имущественные и личные неимущественные права авторов открытий, изобретений, ... гарантируются и защищаются законом..., и регулируются авторским правом и иными актами гражданского законодательства» [3].

Далее, в 2008 году вступила в силу новая четвертая часть Гражданского Кодекса Российской Федерации, в которой уже более детально регулировались вопросы интеллектуальной собственности.

Но все же нормы международного частного права и национального законодательства РФ не затрагивают вопросы защиты прав интеллектуальной собственности в сети Интернет. Не-

сомненно, Гражданский Кодекс РФ закрепляет правовое положение защиты прав интеллектуальной собственности в статье 1250, в которой говорится, что интеллектуальные права защищаются с учетом существа нарушенного права и последствий нарушения этого права. Из этого следует, что размер и характер ответственности за нарушение прав интеллектуальной собственности зависит от объекта правонарушения. Нужно подчеркнуть, что характер правонарушения, совершенного в Интернете имеет свои особенности ввиду определенной специфики регулирования обмена информацией и доступа к ней. Поэтому, на мой взгляд, нужно в отдельной статье части четвертой Гражданского кодекса РФ предусмотреть норму об ответственности за данный способ нарушения права интеллектуальной собственности.

В нынешнее время существуют технические средства защиты своих авторских прав (от англ. DRM — digital rights management) — это программные или программно-аппаратные средства, которые намеренно ограничивают или затрудняют действия с данными в электронной форме (копирование, пересылка, модификация и т.д.), или же просто позволяют отследить такие действия. Крупнейшие мировые компании используют эти средства, такие как Apple inc., Amazon, Microsoft, 1С и др.

Однако, следует подчеркнуть, что у DRM есть свои сторонники и противники. Сторонники утверждают, что DRM помогает бороться с нарушением авторских прав в сети и сохранять регулярные поступления доходов. Другие же говорят, что доказательств того, что DRM действительно помогает предотвратить нарушение авторских прав, нет. Они отмечают, что DRM только причиняет неудобства законным покупателям и помогает большим компаниям тормозить инновации и конкуренцию [4].

В то же время, в законодательстве Российской Федерации предусмотрен ряд способов защиты интеллектуальной собственности, которые могут распространяться и на интернет-пространство. При возникновении угрозы нарушения интеллектуальных прав можно в судебном порядке добиться решения о пресечении действий по дальнейшему совершению противоправных деяний. Касаемо просторов Интернета это считается маловероятным, но все же имеет место быть, так как случаются разные ситуации, и вполне возможно, что носитель права интеллектуальной собственности сможет

узнать об угрозе нарушения его прав другим лицом.

Так же предусмотрена возможность обратиться в суд с иском о восстановлении нарушенных прав на произведения и объекты смежных прав.

Нормы законодательства предусматривают не только возможность принудительного прекращения нарушения прав интеллектуальной собственности, но также взыскание компенсации и возмещения убытков, которые были причинены виновными действиями правонарушителя. Компенсация выплачивается в размере от 10000 до 5000000 рублей, так же может выплачиваться в двукратном размере стоимости экземпляров спорного произведения, либо в двукратной стоимости исключительного права на использование произведения.

Следует отметить, что отношения, касающиеся обмена, размещения и доступа к информации в сети Интернет носят межнациональный характер, следовательно, необходимо дополнять действующие конвенции, так как бурное развитие научно-технического прогресса приводит к появлению новых объектов интеллектуальной собственности, которые нуждаются в охране и защите.

Что касается нашего государства — оно обращает внимание на нарушение интеллектуальных прав в Интернете только по факту его совершения и руководствуется предусмотренными санкциями за нарушение авторских и смежных прав в целом, так как нет ничего, что контролировало бы именно глобальную сеть.

Так же необходимо определить круг лиц, который подлежит ответственности, так как если лицо — владелец сайта выложит материал с нарушением авторских прав, который ему прислало другое лицо, то возникает вопрос — кто подлежит ответственности: владелец сайта, выложивший произведение или другой результат интеллектуальной собственности, лицо, приславшее ему это произведение, которое непосредственно нарушило авторское или смежное право лица.

Устранение пробелов в действующем законодательстве послужит основанием для минимизации незаконных посягательств на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет, так как нарушение прав интеллектуальной собственности в сети Интернет является глобальной проблемой, носящий как научный, так и экономический характер.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018)
2. О собственности в РСФСР: закон РСФСР от 10 дек. 1990 г. № 443-1: офиц. текст по состоянию на 23 нояб. 1992 г. // Ведомости Съезда Народных Депутатов РФ и Верховного Совета РФ –1992. — 10 декабря — № 40 — Ст. 2909.
3. *Росс Андерсен*, «Security Engineering», Глава 22 // Электронный ресурс / URL: <https://www.cl.cam.ac.uk/~rja14/Papers/SEv2-c22.pdf>
4. *Джикаева Ф.З.* Предпринимательская деятельность как социально-политическая и правовая категория // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2012. № 1. С. 166–169.
5. *Епхиева М.К., Райцев А.В., Джикаева Ф.З.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в российской федерации: современное состояние и перспективы развития / В сборнике: Категория «социального» в современной педагогике и психологии материалы 6-й всероссийской научно-практической конференции с дистанционным и международным участием. 2018. С. 370–378.
6. *Плиев Н.Р., Джикаева Ф.З.* Сущность правового обычая и его роль в системе источников права // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1739.
7. *Савина В.С.* Авторское право в информационном обществе: перспективы развития // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 2 (32). С. 138–142.

ГЛОБАЛЬНЫЙ НЕОКОЛОНИАЛИЗМ: ФОРМУЛИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ

© 2019 Дубровин Михаил Андреевич

ассистент кафедры международного права и внешнеэкономической деятельности,
Юридический институт

Владимирский государственный университет имени Алексея Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, Россия, Владимир

E-mail: 301507@bk.ru

Исследование посвящено изучению теоретической стороны системы глобального неокOLONИализма, с выявлением характеризующих признаков. Рассмотрены факты, предопределившие становление неокOLONИальной государственной зависимости. Представлено концептуальное видение способов выхода из-под влияния неометрополии.

Ключевые слова: глобализация, интеграция, капитализм, колонизация, метрополия, колония, неокOLONИзация, неометрополия, неокOLONИЯ.

Всемирный процесс глобализации изменил баланс влияния сверхдержав на международной арене. Пронизывая государство, она послужила катализатором формирования системы колониализма. Классический подход характеризует её как период экспансии развитых стран, с целью аннексии сухопутного, воздушного и водного пространств. Будучи построенной на основе капитализма, колониализм привел к господству капитала, как главной потребности, и распределению мирового господства между метрополиями. Переломным моментом в распространении капиталистических начал послужил конец Второй мировой войны (1945 г.). Социализм, положенный в основе построения Союза Советских Социалистических Республик (далее — СССР) послужил альтернативой капитализму. Созданная вариативность выбора экономической системы сформировала новую межгосударственную зависимость, вынуждая государства стать сторонниками одной или другой модели.

Послевоенный период в мировой истории в сферах науки рассматривался по-разному. В рамках теории государства была введена категория деколонизация, описывающая процесс возвращения колониям суверенитета. В тоже время в рамках политологии противоборство капитализма (Соединенные Штаты Америки (далее — США) и социализма (СССР) трактовали как холодная война. Исторические результаты свидетельствуют о поражении СССР и как следствие социализма. Однако использование ненасильственных, а геополитических и экономических средств в период противодействия послужило

фундаментом инструментария неометрополии в рамках последующей стадии неокOLONИализма.

Доктринальным положениям о глобальном неокOLONИализме свойственна размытость. Отсутствует четкий и ёмкий подход, всецело характеризующий новообразованную систему. Однако выявление и рассмотрение теоретических признаков, по нашему мнению, позволит восполнить образованный пробел, и реализовать цель исследования — формулирование понятия глобального неокOLONИализма.

В числе первого признака — *коренная правящая элита, как способ управления неометрополией*. Несмотря на базовую составляющую капиталистических идей, заложенную в систему неокOLONИализма, она существенно отличается от традиционного колониализма. Ранее власть в колониях назначалась метрополиями, учитывая особенности и сложности прошедшей экспансии, путем делегирования полномочий собственному представителю. Для неокOLONИализма, в свою очередь, свойственно формировать власть из числа коренного населения.

В подавляющем большинстве случаев подчиненность зарождается на основе идеологии, созданной через образовательные и информационные стороны жизнедеятельности. К. Мангейм [5] говорил, идеология — это коллективное, бессознательное мышление определенных групп, скрывающих действительное состояние общества и от себя, и от других. В особенности преемственность взглядов наблюдается после получения начального, среднего или высшего

образования правящей элитой по американской модели. Идеология, заложенная в основу формируемого сознания, выступает базисом видения и поиска решения сложившихся проблем, в частности, в сфере государственного управления. В связи с чем, концептуально, допустимо говорить не только о сознательном, но и бессознательном преследовании интересов неометрополии правящей элитой неокolonии.

В качестве второго признака корректно указать — *неоколониализм — современное направление глобализации*. Глобализационные процессы на протяжении мировой истории служат звеном, соединяющим страны и народы, образуя интеграционную связь между ними. Об этом, в частности, в своих трудах указывает М. Лебедева [3]. Доктринальные положения о процессе глобализации разнятся. Сложность в корректной интерпретации заключается в плюрализме теоретических подходов, встречаемых в разных сферах науки. К примеру, с экономической точки зрения [2] — это слияние рынков, имеющих дело с продукцией, производимой крупными многонациональными корпорациями, в тоже время в рамках теории государства [4] — это исторический процесс, демонстрирующий объективное состояние мирового интеграционного сообщества.

Глобализации свойственна нейтральность. Элементы добровольности и/или принуждения привносятся акторами международных отношений. Неоколониализм, как система, предполагает однополярное видение направлений развития межгосударственного взаимодействия, с преследованием интересов исключительно неометрополии, как ключевого и единственного полноправного участника. В связи с чем возрастают негативные последствия от глобализации [6]: неравенство между странами и континентами, рост националистических настроений и международной преступности, ослабление систем правоохранительных органов и другие. При этом добровольность, в условиях неоколониализма, допустима, но не свойственна, поскольку неометрополия предупреждает любые предпосылки её проявления.

Третий признак допустимо сформулировать как *экономический контроль неометрополией*. В условиях глобального рынка возрастает роль транснациональных компаний (далее — ТНК) и зависимость относительно мировой валюты (доллара). Более того, представляя США, как ка-

питалистическую неометрополию, следует понимать, что определяющую роль в управлении государством играет не правительство, а экономическая элита, латентно манипулирующая миропорядком. При этом вынужденная скрытность выработана опасностью международного терроризма. Драйзер [9] в своих исследованиях справедливо отмечал, что насилие, сегодня, характеризуется заговором в пределах законности. По нашему мнению, точка зрения актуально описывает сегодняшнюю мировую экономику.

Легальность построения транснациональных корпораций обеспечивает инициатора трансграничными полномочиями по влиянию на национальную экономику конкретного государства и/или правящую элиту. Множество ТНК (Microsoft, Apple, Google, Boeing и другие) являются американскими компаниями, без которых процесс жизнедеятельности затруднителен либо не возможен. Товары и/или услуги ТНК доступны для потребителей, учитывая их стоимость в национальной валюте (долларе), что дополнительно укрепляет мировую валюту и поддерживает зависимость. При этом средства борьбы с монополией ТНК будут являться не эффективными, ввиду реализации первого признака неоколониализма. Правящая элита предположительно будет действовать не в национальных интересах, а удовлетворяя потребности неометрополии.

Четвертым признаком логично указать — *скрытое ограничение суверенитета неометрополией*. Глобализм способствует растворению межгосударственных границ и замещению национальных интересов потребностями неометрополии. Образованный монополярный мир воздействует на суверенность отдельного государства и всех государств в целом.

Учитывая одно из доктринальных положений о государственном суверенитете [1], следует понимать, что он предполагает неограниченную законами верховную власть над гражданами, которая является обязательным атрибутом, определяющим условия его существования. Интересным является тот факт, что доказательством правдивости выявленного признака являются ранее выявленные в процессе исследования черты неоколониализма. Латентное манипулирование национальной идеологией, внедрение представителей экономической элиты неометрополии на местах и прочее, концептуально, способно привести к внутригосударственной дестабилизации и дезинтеграции. Однако сле-

дует понимать, что данные инструменты скорее позиционируются как способы сдерживания потенциальных национальных возражений. Элите неометрополии экономически не выгоден распад государства-неоколонии, поскольку эффективность вложенных ресурсов выше при функционирующем государстве, системно действующего в интересах центра.

В качестве пятого признака неоколонизма выступает — *ненасильственные методы воздействия*. Колониальная зависимость до Второй мировой войны (1945 г.) образовывалась по принципу аннексий. Разделенное всемирное влияние между несколькими метрополиями привели к формированию вокруг каждой из них группы государств-колоний. Военные методы достижения потребностей превалировали и были основными на протяжении системы классического колониализма. Подобный подход демонстрировал свои нежизнеспособность.

Несмотря на продолжительные периоды экспансий, ранее суверенные государства образовывали союзы (например, Швейцарская конфедерация) с целью противодействия захватчикам либо метрополии сталкивались с превосходящим противником (например, миграция народов, ранее заселявших территорию Римской империи). В том и другом случаях главной целью колониализма являлась географическое расширение территорий. Однако с переходом в систему неоколонизма государства видоизменили свои потребности. Борьба за экономические показали и/или политическое господство и/или природные ресурсы является сегодня наиболее актуальным.

При этом неометрополия несмотря на эксплуатационный характер своей деятельности, предположительно, осознает, что, учитывая современное развитие военных технологий, силовые методы воздействия приведут к массовому вымирания в планетарных масштабах. Осторожность проявляется относительно развитых государств, в тоже время менее экономически устойчивые страны подвергаются военному давлению и до сегодняшнего дня. К примеру, только в XXI веке: Афганистан (2001 г.), Ирак (2003 г.), Гаити (2004 г.), Сомали (2004–2010 г.), Ливия (2011 г.), Сирия и Ирак (2014 г.), Йемен (2015 г.) и др.

Выявленные признаки корректно относить к числу основных. Множество факультативных черт не позволяют представить их должную ха-

рактеристику в рамках исследования. Во-первых, во избежание чрезмерной информативной загруженности при достижении поставленной цели. Во-вторых, невозможности включения всех признаков в доктринальный подход. В-третьих, дополнительные свойства видоизменяются в зависимости от развития международных отношений.

Обобщение вышесказанного позволяет сформулировать доктринальный подход в узком и широком смысле. При этом допустимо, по нашему мнению, скорректировать саму категорию. Представление неоколонизма как основного направления глобализации свидетельствует о приобретении статуса общемировой системы. В связи с чем корректно говорить о глобальном неоколонизме, который:

- *в узком смысле* — система экономической и политической эксплуатации неометрополии государств-неоколоний и потенциальных государств-неоколоний.

- *в широком смысле* — общемировая система, базирующаяся на ненасильственных методах удовлетворения потребностей неометрополии в экономической и политической гегемонии, с сопутствующим построением идеологической модели, предполагающей формирование односторонней зависимости государств, поддерживаемой правящей элитой.

При этом, постановочно, допустимо указать на причину распространения влияния неометрополии. По нашему субъективному мнению, она заключается в расширении перечня мероприятий по защите национальной безопасности. Непосредственно категория национальная безопасность впервые нормативно была употреблена президентом США Т. Рузвельтом. С целью обоснования присоединения Панамского канала к теории неометрополии в 1947 был принят закон «О национальной безопасности» [7]. Доктринальная проблематика понятия заключается в внесении в сферу интересов, национальную деятельность иностранных государств, де-юре не находящихся под контролем неометрополии.

Концептуально, по нашему мнению, можно говорить о том, что включение государства в зону интересов национальной безопасности означает стремление неометрополии к созданию экономической и/или политической эксплуатации с целью последующей неоколонизации. По-видимому, это связано с построением на модели самоорганизованной критичности, вве-

денной З. Бжезинским [8]. По своей теоретической природе она предполагает продуцирование конфликта актором в политически критических системах. Попеременно применяя концепции жесткой и мягкой силы неометрополия манипулирует неоколониями, либо корректирует направления внутренней и внешней политики для достижения целей по защите национальной безопасности.

Резюмируя и суммируя полученные в процессе исследования результаты, хотелось бы отметить, что представленный подход является

концептуальным видением автора на сформировавшееся общемировое явление. Глобальный неоколониализм, безусловно, является актуальной проблемой мирового сообщества. При этом, по нашему мнению, только положительный эффект от синергетической межгосударственной деятельности, построенной на взаимовыгодных началах и исключающей экономическое и/или политическое давление, поспособствует началу замещения системы неоколониализма на новый этап процесса деколонизации.

Библиографический список

1. Боден Ж. Метод легкого познания истории. — М.: Наука, 2000. 412 с.
2. Кузнецов В. Что такое глобализация? // Мировая экономика и международные отношения. — 1988. — № 2. — С. 12–21.
3. Лебедева М.М. Формирование новой политической структуры мира и место в ней России. / Полис., 2000, № 6. — С. 40–51.
4. На острие вызовов глобализации: монография / Руман Макуев; М-во образования и науки Российской Федерации, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Орловская региональная акад. гос. службы». — Орел: Изд. центр ОРАГС, 2011. — 163 с.
5. Общая и прикладная политология: Учебное пособие. / Под общей редакцией В.И. Жукова, Б.И. Краснова. — М.: МГСУ; Изд-во «Союз», 1997. — 992 с.
6. Стратегии борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев. — М.: Юристъ, 2003 (Щербин. тип.). — 349 с.
7. Стратегии национальной безопасности США / Сост. Д.В. Кузнецов. — Б.м.: Б. изд., 2018. — 680 с.
8. *Bzezinski Z. Out of Control Global Turmoil on the Eve of the 21st Century.* — N.Y., 1993. / Перевод О.Ю. Уральской. — М.: Международные отношения, 1998. — 330 с.
9. *The best short stories, Cleveland* — N. Y., 1956; в рус. пер. — Собр. соч., под ред. С. Динамова, т. 2–7, 10–12, М. — Л., 1928–30.

ПОНЯТИЕ ДИСФУНКЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА ПРАВА

© 2019 **Зяблова Татьяна Евгеньевна**

кандидат юридических наук, доцент

доцент кафедры теории и истории государства и права факультета права и управления

Владимирский юридический институт ФСИН России, Россия, Владимир

E-mail: tizet69@mail.ru

© 2019 **Комарова Яна Бахрузовна**

преподаватель кафедры теории и истории государства и права факультета права и управления

Владимирский юридический институт ФСИН России, Россия, Владимир

E-mail: Ya.Ireland@mail.ru

© 2019 **Мамчун Владимир Вячеславович**

кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры «Теория и история государства и права»

Юридического института им. М.М. Сперанского

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Россия, Владимир

E-mail: vladimir_mamchun@mail.ru

В статье рассматриваются возможности использования понятия дисфункции в функциональных исследованиях права. На основе анализа опыта изучения права посредством социологического понятия дисфункции делается вывод о нецелесообразности практики социологической интерпретации дисфункции права. Обосновывается возможность и необходимость разработки понятия дисфункции права как юридического понятия, адаптированного к предметно-методологической специфике и понятийным рядам теории права. Рассматриваются перспективы его дальнейшего использования в процессах познания и создания права.

Ключевые слова: общая теория права, право, правовая дисфункция, функция права, дисфункция права, теория права, функционирование права, последствия функционирования права, социологический функционализм, функциональный анализ права.

Динамика научного познания порождает новые разнообразные комбинации методов научного познания и используемых в сочетании с ними познавательных средств и диктует необходимость поиска новых. Применительно к теории функций права, давно и продуктивно оперирующей понятием функции, таким новым гносеологическим инструментом является понятие дисфункции. Потенциально оно способно не только дополнить имеющиеся научные представления о функциях, но и объяснить факт существования иного, нефункционального воздействия, которое не «укладывается» в понятие функции права. Исследование дисфункции позволит раскрыть природу и детерминацию такого воздействия с тем, чтобы разработать надежные и эффективные средства для его предотвращения, а в случае невозможности полного исключения из процессов функционирования права — его локализации и минимизации.

В исследованиях проводимых в рамках теории функций права, дисфункция удавалось лишь фрагментарного упоминания о ее существовании или указания на ее связь с негативным влиянием права на регулируемые отношения [15, с. 11–12; 5, с. 72, 208; 4, с. 18; 11; 12]. Первый опыт специальных исследований дисфункций права представлен единичными работами [3; 13; 7; 6; 2]. Немногочисленность работ в теории права, посвященных исследованию дисфункций права с одной стороны, и их преимущественная ориентация на социологическое понимание дисфункции — с другой, не позволяет констатировать удовлетворительность состояния работанности проблемы. Этим обстоятельством предопределяется цель настоящей работы, которой является изучение возможностей использования понятия дисфункции в функциональном анализе права. Для ее достижения необходимым видится анализ практики использования социоло-

логического понятия дисфункция для изучения права в теории права, определение принципиальной возможности использования понятия дисфункции в функциональном анализе в рамках общей теории права, оценка дальнейших перспектив функционального анализа посредством понятия дисфункции права.

Отношение к дисфункции права в общей теории права обусловлено тем, что задачей юридической науки является познание, прежде всего, позитивного потенциала права, который связывается именно с функциями. Это, собственно, и привело понятие дисфункции, на периферию исследовательского внимания. Нарастание кризисных явлений в обществе и в самом праве в 90-е, в начале 2000-х гг., заставило заново переосмысливать его роль и значение в обществе, однако уже с противоположных позиций, в контексте уже нефункционального воздействия на общественные отношения. Именно для этого и было востребовано понятие дисфункции, разработанное в западной социологии, где под функциями понимаются наблюдаемые последствия, способствующие адаптации или приспособлению данной системы; а под дисфункциями те, которые уменьшают адаптацию или регулировку системы [10, с. 145].

В таком, социологическом понимании понятие дисфункции и применено для анализа права. Результаты этой исследовательской практики достаточно неоднозначны. Понимание того, что понятие дисфункции в используемом виде не «вписывается» в понятийный аппарат теории права, подвигло автора концепции правовой дисфункции М.А. Дамирли, к отказу от использования термина «дисфункция права» [3, с. 14]. Правовая дисфункция позиционирована им в качестве основы стратегии познания права как альтернативы традиционной (основывающейся, очевидно, на понятии функции). При этом, акцентируется, что традиционная стратегия изучает право с точки зрения должного, в то время как предлагаемая — с точки зрения сущего [3, с. 14].

Думается, едва ли это можно рассматривать в качестве достаточного аргумента в пользу использования социологического понятия. Тот факт, что функция права в теории права изучается, прежде всего, с точки зрения должного, вовсе не означает, что в сферу исследовательского внимания не включается и сущее, реальное состояние права, процессы и результаты его

воздействия на регулируемые отношения. Подтверждением этому служат понятия функционирования [1, с. 169, 190] и эффективности функции права [14, с. 81], которыми активно оперирует теория функций права. Относительно результатов функционирования права, следует отметить, что они действительно не включаются в функциональный юридический анализ, так как «лежат за пределами понятия функции, которое включает только то, что непосредственно характеризует функцию права, отражает исключительно ее специфику» [14, с. 81], и в теории права описываются другими понятиями, например, «состояние законности», «правопорядок», «правовое поведение» и пр.

Утверждается, что правовая дисфункция подразумевает нарушение «не просто норм права, а нарушение в функционировании права, такое его состояние, когда оно не может реализовывать свое социальное назначение, свои функции и роль» [3, с. 14]. Одновременно она рассматривается как «правовая функция со знаком минус» [3, с. 14] и как «отсутствие определенных качественных характеристик в социально-правовой жизни общества, в правопорядке в частности, выявляемое через измерение нарушений в функционировании права, когда право не может полностью или частично реализовывать свое социальное назначение, свои функции и роль в социальной системе» [3, с. 15].

Функционирование права связывается с процессом реализации функций. Поэтому право не может одновременно и функционировать (реализовывать свои функции) и не реализовывать функции (т.е. не функционировать). Если все же процесс функционирования возникает, то право все же в состоянии реализовывать свои функции. Другое дело, что результаты функционирования по определенным основаниям могут не удовлетворять потребности общества и служить индикатором эффективности функции.

Трудно признать верным суждение о возможности существования состояния, когда право не может реализовывать свое социальное назначение, свои функции и роль. Это не просто «нарушение в функционировании», а утрата функциональности. Такое возможно только тогда когда право не функционирует, так как «правовая дисфункция» в этой логике, функцией не является. Такое возможно только в случае утраты правом качества социального нормативного регулятора, что равнозначно «смерти» права.

Это отвергает один из видных представителей социологического функционализма Р. Мертон: «Напряжения, накапливающиеся в социальной структуре в результате дисфункции последствия существующих элементов, не ограничены жесткими рамками соответствующего социального планирования и со временем приведут к институциональному развалу и глубоким социальным изменениям. Когда эти изменения превышают определенный, но нелегко определяемый уровень, принято говорить, что появилась новая социальная система» [9, с. 133].

Другими словами, факт существования дисфункций права не приводит к его исчезновению с исторической арены, а при накоплении их критического объема, влечет замену одного права другим, например, в рамках смены исторических типов. Однако и в этом случае право не утрачивает способности реализовывать свое социальное предназначение. Свидетельством этого является сам факт социального и правового прогресса.

Наконец, главный вопрос, что именно описывает понятие правовой дисфункции: само право, процесс его функционирования, результаты, или состояние общества? Может ли оно в этом виде быть инструментом познания права?

Очевидно, что наделение термина «правовая дисфункция» способностью отражать столь широкий спектр значений, сводит ее по существу к понятию, описывающего все негативное, что так или иначе связано с правом и одновременно претендует на придание ей статуса широкой правовой категории. Возникает вопрос о целесообразности введения такой категории в теорию права, так как с этим вполне справляются и сами понятия, которые «втискиваются» в ее состав. Кроме того, возникает вопрос об обоснованности использования самого термина «правовая дисфункция», так как если это дисфункция, то дисфункция чего?

Постановка вопроса об «отсутствии определенных качественных характеристик в социально-правовой жизни общества» говорит о том, что само общество и выступает носителем дисфункции. Но если это так, то почему она дисфункция правовая, ведь речь идет о социально-правовой жизни, понятие которой шире не только понятия права и правовой системы общества, но и понятия правовой жизни [8, с. 54]. Ее состояние детерминировано не только правом, но и иными социальными регуляторами. Кроме

того, она обусловлена также факторами, природа которых не связана с правом. В связи с этим непонятно, как именно с помощью чего можно «измерить» нарушения в функционировании права?

Под влиянием социологического функционализма предпринимаются попытки не только «внедрить» в теорию права социологическое понятие дисфункции, но и модернизировать понятие самой функции права. Как пишет С.В. Бирюков, функции права «логичнее соотносить с основными направлениями воздействия (влияния) права (как норм, так и принципов правосознания и сложившихся правовых отношений) на всю окружающую его среду, включая неправовые общественные отношения» [2, с. 1054]. В этом случае не только понятие правовой дисфункции, но и функции права, приобретает способность описывать все то, что происходит и с самим правом, и с правовым регулированием, и с состоянием регулируемых общественных отношений, в том числе, и то, что и не связано с правом.

Определенный интерес представляют и аргументы сторонников социологической интерпретации функций и дисфункций права в пользу отказа понятия, разработанного теорией права. К обоснованию необходимости отказа от классического понимания функций права и перехода к социологической методологии в исследованиях, приводятся аргументы филологического порядка. Так, в частности, отмечается что «ни в одной другой отрасли науки, кроме юриспруденции, термин «функция» не применяется для обозначения основного направления действия чего-либо. Более того, этимология и семантика слова «функция» не предполагают возможность понимания функций права в качестве основных направлений его действия» [7, с. 79].

Трудно признать такую аргументацию убедительной. При формировании юридического термина, в том числе и научного, приоритетностью обладает не соответствие нормам литературного языка, а способность отразить стоящее за понятием, которое обозначает тот или иной термин, правовое явление, процесс, их стороны, свойства и пр. Именно это имеет первостепенное значение для решения практических вопросов создания, реализации и познания права, что впрочем, не следует рассматривать как апологию или требование игнорирования норм русского литературного языка при создании научных терминов.

В рамках социолого-филологического понимания функция права (гражданского общества) рассматривается «в качестве выполняемой им роли, удовлетворяющей потребности общества, социальных групп и индивидов» [7, с. 79]. Дисфункция права, рассматриваемая с этих позиций, понимается как некорректность осуществления функций права, влекущая негативные функционирования [7, с. 80].

Постановка вопроса о функции права как о «роли, удовлетворяющей потребности общества», влечет необходимость следующего уточнения: потребности общества удовлетворяет не роль, а само право, а то обстоятельство что право обладает такой способностью и обуславливает его роль в обществе, выраженную в функции. Между тем, постулат о том, что активная роль выражается в его функциях [1, с. 191] является исходным моментом понимания функции права в общей теории права. Связь функции права и его роли не отрицается, а напротив, подчеркивается. «Понятие «функция права», — пишет Т.Н. Радько, — выражает основные направления воздействия права, характеризуя ту или иную его социальную роль (курсив наш — Т.З., Я.К., В.М.), выполнение им определенных задач в соответствии с социальным назначением» [14, с. 77]. Акцентирование внимания в понимании функции права только лишь на роли при игнорировании того, что функция права не только проявляется вовне, но и имманентна праву, переводит ее изучение в сферу социологии. Трактовка дисфункции права как последствий реализации функций ведет к замене анализа права анализом социальных последствий его воздействия, пусть даже описываемых в юридических терминах и приводит к констатации определённых социальных фактов, в основной массе уже известных юридической науке и изучаемых посредством существующих правовых понятий. Это создает риск подмены юридического функционального анализа социологическим.

Как видно, при любом варианте социологической интерпретации понятия дисфункции, независимо от того, называть ее правовой дисфункцией или непосредственно дисфункцией права, оно рассматривается не как соотносимое с понятием функции права и характеризует собственно, не само право, а состояние общественных отношений, которое в реальности детерминировано целым комплексом различных факторов. Использование социологически

интерпретированного понятия дисфункции для констатации такого состояния не позволяет вычленив результат негативного действия самого права, отделить его от результата действия других (нефункциональных) факторов. И, пожалуй, самым главным недостатком такой практики видится то, что акцентируя внимания на обществе, на фактах негативного влияния права на общественные отношения, констатируя «отсутствие определенных качественных характеристик в социально-правовой жизни общества», она не способна объяснить и описать то, что именно в праве порождает саму возможность их существования. Указание на политические, экономические и иные причины, нестабильность, дефектность, казуистичность законов и др. [3, с. 15], иллюстрирует, но не объясняет, почему право дисфункционально, что именно в нем составляет источник такой активности.

Таким образом, практика социологической интерпретации дисфункции права ставит больше вопросов, чем дает ответов. Вместе с тем, ценность ее состоит в том, что она наглядно доказывает, что нельзя просто взять социологическое понятие дисфункции и механически «пересадить» на правовую почву. Это влечет конкуренцию с уже другими понятиями теории права, переносит фокус исследовательского внимания с права на общество и не дает сколько-нибудь ощутимого прироста научного знания о самом праве.

В целом, опыт исследования права посредством социологически интерпретированного понятия дисфункции не подтверждает целесообразность его использования в юридических исследованиях в таком виде. В данном случае новизна термина не сопровождается содержательной новизной результатов, так как они описываются (могут быть описаны) в понятиях разработанных теорией права и успешно применяемых ею для анализа процессов и результатов воздействия права на регулируемые общественные отношения.

Это, свою очередь, ставит вопрос о принципиальной возможности применения понятия дисфункции для изучения права. На него следует ответить утвердительно и именно практика социологических интерпретаций дисфункций свидетельствует в пользу необходимости разработки дисфункции права именно как юридического понятия. Обоснованием самой возможности и необходимости разработки вопроса

о дисфункции права с позиций общей теории права выступает онтологическая связь между правом и последствиями его функционирования в общественных отношениях, которая дает основания констатировать:

1) наличие связи функции права как внутренне присущего ему свойства оказывать воздействие, соответствующее социальному назначению права и самого функционального воздействия;

2) наличие в общественных отношениях последствий, как функционального воздействия права, так и воздействия не соответствующего социальному назначению права и поэтому не являющегося функциональным, а дисфункциональными;

3) наличие связи между дисфункциональными последствиями воздействия права на общественные отношения и источником такого воздействия в самом праве — дисфункцией права.

При исследовании дисфункции права с позиций юридического функционализма должен быть учтен как опыт непосредственного внедрения социологического понятия исследования в теории права, так и положения социологии о функциях и дисфункциях социальных институтов. Использование определенной методологии вовсе не исключает обращения к элементам других. Однако это не должно сводиться к механическому переносу готовых теоретических конструкций, готовых понятий, встроенных в иной исследовательский контекст, так как сходство терминологии не всегда подразумевает сходство понятий ею обозначаемых. В случае, когда определенная идея, переосмысленная и развернутая в ту или иную форму научного знания, способна дать положительный познавательный эффект, отказ от ее использования не обоснован. Однако это использование должно быть рациональным, согласованным с элементами метода теории права. С учетом этого, воспринимая социологическую концептуальную схему взаимосвязи дисфункции и функции, нужно идти от дисфункции в социологическом понимании как последствий воздействия права на общественную систему к дисфункции права как к источнику дисфункционального воздействия самом праве отражаемому уже в правовом понятии.

Если функция права под определенным углом зрения выступает «точкой сборки» активности права соответствующей его социальному

назначению, то в таком же ключе должна быть интерпретирована и дисфункция права, другое дело что она «собирает» и направляет энергию отличную от функциональной. Понятие дисфункции должно быть наполнено юридическим содержанием и быть соотносимым именно с понятием функции права. Разработка дисфункции права как правового понятия предполагает не просто терминологические новации, а полноценные исследования связей, зависимостей и отношений в самом праве, приводящих к самой возможности оказания им воздействия, не соответствующего его социальному назначению.

Разработка понятия дисфункции права, в свою очередь, даст толчок новому этапу функционального анализа права. Исследование дисфункций права является перспективным для обнаружения и изучения как самих этих очагов нефункциональной активности, так и того, что создает потенциал такой активности в праве. Для этого на основе переосмысления, адаптации к предмету теории права и в результате согласования их с понятийно-категориальным аппаратом теории функций права вполне могут быть востребованы и другие положения социологического функционализма. Перспективными видятся идеи Р. Мертона: о балансе функциональных последствий [10, с. 394], на основе которой может быть разработана методика анализа оценки эффективности функций права и анализа процесса функционирования; о явных и латентных функциях [10, с. 414], способная трансформироваться в теории права в понятия явных и латентных функциональных и дисфункциональных последствий, востребованных при исследовании правотворчества, а также в правотворческой деятельности в процессах правотворческого анализа, моделирования и прогнозирования. Здесь же вполне может быть использована идея о функциональных альтернативах, эквивалентах [9, с. 123] и др.

При этом особо подчеркнем, что исследование дисфункциональной проблематики в праве предполагает не перенесение понятий социологии, а творческую их адаптацию к предмету и методу юридической науки, их гармонизацию с уже сложившимся в ней понятийно-категориальным аппаратом. Теория права должна брать не готовый продукт, а концептуальные схемы, идеи, отражающие зависимости между явлениями, выявленные социологией, выступающие ориентиром для анализа схожих

зависимостей и связей в самом праве и на этой основе разрабатывать собственное понятие.

Таким образом, опыт функционального исследования права на основе переноса социологического понятия дисфункции в теорию права не предоставляет достаточных свидетельств эффективности и продуктивности использования социологически интерпретированного понятия дисфункции (правовая дисфункция, дисфункция права). Это вызывает сомнения в его способности обеспечить качественный прирост научного

знания о праве, и делает его применение в таком виде нецелесообразным. Продуктивное использование понятия дисфункции в теории права, возможно лишь на основе восприятия самой идеи дисфункции, причем соотносимой с функцией, при условии ее творческой адаптации к предметно-методологической специфике юридической науки, обеспечивающей ее органичное вхождение в понятийно-категориальные ряды общей теории права в результате разработки понятия дисфункции права как правового понятия.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Общая теория права. Курс в 2-х т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. 360 с.
2. *Бирюков С. В.* О понятии и видах функций права // Омские научные чтения — 2018. Материалы Второй Всероссийской научной конференции. Редколлегия: Т. Ф. Ящук [и др.]. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. 2018. С. 1054–1056.
3. *Дамирли М. А.* Правовая дисфункция: понятие, вид, проявления, причины и пути преодоления. // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. 2013. № 2 (19). С. 14–17.
4. *Жимиров В. Н.* Юридический функционализм (теоретико-методологический анализ). Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. С.-Пб., 2005. 40 с.
5. *Карташов, В. Н.* Теория правовой системы общества: учебное пособие. В 2 т. Т. I; Ярославль: ЯрГУ, 2005. 547 с.
6. *Комарова Я. Б.* Правовая дисфункция: к постановке проблемы // Синергия Наук. 2018. № 28. С. 798–803.
7. *Лановая Г. М.* Функциональная характеристика права гражданского общества // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 79–82.
8. *Малько А. В.* Правовая система и правовая жизнь общества // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 51–60.
9. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ. 2006. 873 с.
10. *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты: [Перевод] / Сост. Е. И. Кравченко; Под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 379–448.
11. *Осипян Б. А.* Принцип функциональной целесообразности закона // Законодательство и экономика. 2009. № 2. С. 60–68.
12. *Палазян А. С.* Принципы систематизации функций права // Юридический мир. 2009. № 2 (146). С. 51–54.
13. *Плотников В. В.* Деструкция и дисфункция социальных институтов: анализ жизнеспособности государственной системы // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 44–46;
14. *Радько Т. Н.* Теория функций права. М.: Проспект, 2014. 272 с.
15. *Торопов, А. А.* Восстановительная функция права: Вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород. 1998. 25 с.

К ВОПРОСУ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОВОВВЕДЕНИЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

© 2019 Соколов Алексей Вячеславович

студент 4 курса, факультет «Политология и социология»

Финансовый университет при правительстве российской федерации, Россия, Москва

В работе проанализирована практика применения новых подходов в избирательных технологиях на примере выборов мэра Москвы в 2018 году.

Ключевые слова: Интересы избирателей, осведомленность кандидата об интересах избирателей, самовыдвижение кандидата, анализ результатов выборов мэра в 2013 году, новый имидж кандидата в мэры Москвы в 2018 году, предвыборные лозунги, моделируемый имидж кандидата.

Методологические подходы взаимосвязаны с теоретическими построениями в политологии, в силу этого процесс познания может стремиться к максимальной объективности через синтез инструментов познания. Данный подход имеет большое значение для познания процессов управления в политической системе.

Изучение политического поведения на основе предлагаемых методик важно для получения конечного политического знания, позволяющего на основе анализа данных формировать прогноз развития ситуации.

В современном обществе в большинстве развитых стран в основе государственного устройства лежит демократия. Демократия предполагает участие граждан в управлении государством. Формы участия могут иметь прямой и опосредованный характер. Прямая форма предполагает участие в выборах и референдумах любого уровня, начиная от муниципального заканчивая федеральным. Опосредованная форма участия предполагает артикуляцию интересов электората – граждан, избравших политика, и самого политика, представляющего интересы различных социальных групп.

Высокая конкуренция в представлении интересов граждан требует от кандидатов на занимаемый пост высокого уровня осведомленности о избирателях и их интересах, также от кандидата требуется наличие некоего опыта в государственном управлении или работе во властных структурах и наличие характеристик, которые могут ассоциировать кандидатов с политическим лидером. В связи с этим появилась необходимость выбрать основные принципы подготовки кандидатов разных уровней к борьбе за занимаемую должность.

Самовыдвиженцем на выборах мэра Москвы

в 2018 году стал Сергей Собянин. Его конкурентами в борьбе за пост главы Москвы стали кандидат, выдвинутый от Коммунистической партии Российской Федерации де-юре, но де-факто беспартийный Вадим Кумин. Кандидат от парламентской партии «Справедливая Россия» Илья Свиридов. Представителем от Либеральной Демократической партии России стал Михаил Дегтярев, участвовавший в избирательной кампании на пост мэра Москвы в 2013 году. Представителем от малочисленной и малоизвестной партии «Союз горожан» стал Михаил Балакин.

На выборах мэра Москвы 2018 года Собянин выдвинулся не от партии «Единая Россия», в которой он состоит в высшем совете, а пошел на выборы в качестве самовыдвиженца. Данное действие связано с падением рейтинга партии «Единая Россия» и негативной ассоциацией имиджа партии, С.С Собянин решил эту проблему таким образом, что он выдвинулся «не от партии, а от москвичей».

Исходя из данных о кандидатах на пост мэра Москвы, можно сделать вывод, что данные кандидаты не смогли составить реальную конкуренцию Сергею Собянину на выборах, их политический вес и совокупность достижений явно уступают достижениям действующего мэра.

Особенностью предвыборной кампании 2013 стала упорная борьба между Сергеем Собяниным и Алексеем Навальным, выразившаяся в преимуществе мэра в 24 процента. Действующий мэр Москвы Сергей Собянин получил менее 40% голосов в районе Сокол и в Гагаринском районе, причем в последнем он уступил оппозиционеру Алексею Навальному по числу голосов.

В 2018 г. действующий мэр Москвы получил как минимум 60% голосов во всех районах Москвы. Особенно активно за него голосовали

Таблица 1. Сравнительные результаты выборов

Кандидаты и партии	2013 г, %	2018 г, %	Динамика, %
Собянин С.С.	51,37	70,07	18,7
Навальный А.	27,24		
КПРФ	10,63	11,38	0,75
ЛДПР	2,86	6,72	3,86
Справедливая Россия	2,79	7,01	4,22
Яблоко	3,51		
Союз горожан		1,87	

в районах Новой Москвы. Положительным результатом использования PR технологий выборной кампаний мэра Москвы в 2018 году явилась победа Сергея Семёновича Собянина с 70,07% голосов, отдавших за него жителями Москвы.

Сравнительный анализ результатов выборов в 2013 году и в 2018 году в процентном соотношении приведен в таблице 1.

Территория, на которой можно было проголосовать в сентябре 2018 года за своего кандидата, увеличилась. Это произошло за счёт того, что избирательные участки появились в Московской области и других смежных областях, таких как Тульская, Калужская, Ярославская, Владимирская. Всего было открыто 209 участков за пределами Москвы.

Сергей Семенович Собянин — действующий мэр Москвы, в связи с этим его можно отнести к категории политического лидера. Изначально образ Сергея Собянина трактовался экспертами в области имиджмейкинга как образ управленца. Проведенное исследование ВЦИОМ (Всероссийского центра исследования общественного мнения) показал, что Собянину для улучшения и оптимизации его имиджа нужно продемонстрировать свою любовь к Москве. «Демонстрация любви к Москве» может выражаться через знание истории города, проблемы районов, защиту памятников архитектуры.

Предвыборными лозунгами кандидата в мэра Москвы, действующего градоначальника Сергея Собянина стали «Москва еще безопаснее», «Москва еще прекраснее», «Москва еще зеленее», «Москва еще душевнее», «Москва еще чище», «Москва еще ближе» с добавлением «Мэр Собянин».

По мнению социологов, для наиболее благоприятного восприятия информации, мэру рекомендуется принимать решение о сохранении архитектурного здания или исторического квартала, хотя его снос принес бы городу доход. Данный PR ход нашел отражение в практике в 2018 году в ходе застройки завода «Серп и Молот» под угрозой сноса оказался мемориал погибшим во время Великой отечественной войны. Собянин заверил, «памятник будет сохранен», потому что это «святое». Данный поступок охарактеризовал мэра Москва как человечного и справедливого и положительно повлиял на его образ.

Идеальным имиджем Сергея Собянина возможно является тот образ, в котором его решения по градостроительной, социальной политике принимаются жителями города Москвы исключительно позитивно и не вызывают нареканий и разногласий. Моделируемый имидж Сергея Собянина — это образ успешного градоначальника.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. Ст. 32.
2. Федеральный закон от 29 мая 2019 года № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва».
3. Баглай, М.В. Избирательная система и референдум Российской Федерации / М.В. Баглай // Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма, 2006. С. 390–784.
4. Василенко И.А. Политология — М.: Юрайт, 2011—432 с.
5. Воробьев, Н. И., Никулин, В.В. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации / Н.И. Воробьев, В.В. Никулин. Тамбов: ТГТУ, 2005. с. 58.
6. Курс политологии: Учеб. для вузов/Авт. кол. А.Г. Грязнова, В.Т. Завьялов, Е.А. Звонова и др.; Фин. акад. при Прав-ве РФ.-2-е изд., доп.-М.: Инфра-М,2002.-460с.

НЕПРЕОДОЛИМАЯ СИЛА И НЕВОЗМОЖНОСТЬ

© 2019 **Посохов Сергей Петрович**

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института
Российский университет дружбы народов, Россия, Москва
E-mail: Posohov_civil@mail.ru

Соотношение непреодолимой силы как обстоятельства, исключающего гражданско-правовую ответственность, с невозможностью исполнения обязательств и существенным изменением обстоятельств.

В статье исследуется соотношение непреодолимой силы с невозможностью исполнения обязательств и существенным изменением обстоятельств, в результате которого делается различие между указанными институтами и определяются юридические последствия гражданско-правового договора на который оказывают влияние описанные выше обстоятельства.

Ключевые слова: ответственность, обстоятельства непреодолимой силы, невозможность исполнения, убытки, ущерб, существенное изменение обстоятельств, вина, причинно-следственная связь

Следует отметить, что институт непреодолимой силы на первый взгляд имеет много общего с невозможностью исполнения и существенным изменением обстоятельств. Так или иначе, указанные институты связаны с определенными юридическими последствиями, возникающими в сфере договорных обязательств.

По своей юридической природе существенно изменившиеся обстоятельства напоминают обстоятельства непреодолимой силы, тем не менее между указанными понятиями существует принципиальное различие.

По мнению В.А. Канашевского существует тонкая грань между положениями п. 3 ст. 401 и ст. 451 Гражданского кодекса РФ. Больше того, применение данных институтов в практическом плане порождает большие проблемы в части их разграничения между собой [1].

«Смещение названных правовых институтов вытекает не только из непонимания их правовой природы... но и из того, что могут возникнуть ситуации, которые одновременно являются непреодолимой силой и ведут к существенному изменению обстоятельств» [2].

Согласно п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса РФ непреодолимая сила — это чрезвычайные и непредотвратимые обстоятельства [3]. В этой связи, следует отметить, что признаками непреодолимой силы является объективность, чрезвычайность, объективная непредотвратимость событий.

Основным имеющим существенное значе-

ние критерием при определении обстоятельств непреодолимой силы являются понятия вины и безвиновной ответственности, что вытекает из п. 1 ст. 401 Гражданского кодекса РФ [4]. Понятия вины и безвиновной ответственности в свою очередь говорят о том, что отношения, на которые оказывают влияние обстоятельства непреодолимой силы связаны с гражданско-правовой ответственностью, включая ответственность без вины в сфере предпринимательских отношений, тогда как положения ст. 451 Гражданского кодекса РФ об изменении и расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств имеют несколько иную юридическую природу и акцент свой делают на совершенно ином. «Положения института существенного изменения обстоятельств связаны в первую очередь с вопросами динамики обязательственного правоотношения, а не с вопросами освобождения должника от ответственности» [5].

Применение норм, связанных с регулированием отношений в связи с возникшими обстоятельствами непреодолимой силы, освобождает должника от ответственности, что является следствием абсолютной невозможности исполнения обязательства. В свою очередь, существенное изменение обстоятельств не связано с невозможностью исполнения должником своих обязанностей, поскольку основное значение применения данных норм сводится к установлению баланса интересов сторон договора.

Институты существенного изменения обсто-

ятельств и непреодолимой силы имеют и иные между собой различия.

Так, институт существенного изменения обстоятельства является не только специальным правовым средством, как отмечает Очхаев Т.Г., «направленным на стабилизацию нарушенной динамики обязательственного правоотношения и обеспечение стабильности договора, но и комплексным механизмом, в котором заложены вариации сценариев развития событий в случае существенного изменения обстоятельств» [6].

Следует отметить, что для расторжения договора в связи с существенно изменившимися обстоятельствами гражданский закон предписывает соблюдения досудебного порядка урегулирования спора. И лишь только в случае неудачных переговоров суд либо расторгает договор, либо вносит в него изменения в целях обеспечения справедливого распределения расходов и как следствие — восстановления баланса интересов сторон. Главной же целью института непреодолимой силы является освобождение от договорной обязанности должника.

Таким образом, категории существенного изменения обстоятельств и обстоятельств непреодолимой силы относятся к разным институтам гражданского права, преследующие различные юридические цели и устанавливающие различные правовые последствия.

Четкое понимание различий между институтом существенного изменения обстоятельств и невозможности исполнения очень важно на практике, поскольку от правильно примененной нормы права будет зависеть достигнет ли результат. Ведь при существенно изменившихся обстоятельствах он один, а при невозможности исполнения совсем другой.

Как справедливо указывал Т.Г. Очхаев «нормы Гражданского кодекса РФ, касающиеся невозможности исполнения обязательств, обстоятельств непреодолимой силы и существенного изменения обстоятельств, являются на практике тем последним «бастионом», за которым пытаются укрыться стороны» [7].

Проведение анализа института существенного изменения обстоятельств в соотношении с институтом невозможности исполнения обязательства необходимо также и в связи с тем, что в отечественном правопорядке происходит смешение данных институтов и определение их как однопорядковых. Так, например то, что указанные категории идентичны неоднократно на это

в своих работах ученые. Например, Кондратьева Е.М. утверждала, что существенное изменение обстоятельств это и есть невозможность исполнения обязательств, вызванная различными причинами юридического либо экономического характера [8].

Исследуя институт невозможности исполнения, стоит отметить, что данная категория права как ни одна другая имеет практически бесчисленную форму своего выражения. Так, например, невозможность исполнения может быть фактической, юридической, длительной временной, экономической, политической, моральной [9]. Выделяют также объективную, субъективную невозможность исполнения и даже логическую [10].

Юридическое понятие невозможности исполнения обязательств обусловлено нормативно-правовыми критериями, являющиеся следствием деятельности органов государственной власти, а также органов местного самоуправления.

Физическая невозможность может быть связана с гибелью какой-либо вещи, преимущественно конечно же индивидуально-определенной.

Объективная невозможность связана с неисполнением без вины должника и носит объективно-обусловленный характер, тогда как субъективная отражает именно данный фактор.

Следует отметить, что основное значение института существенного изменения обстоятельств связано с тем, чтобы создать условия, при которых заключенный договор не потерял ожидаемый социально-экономический эффект и чтобы стороны остались при наступлении таких обстоятельств в состоянии взаимной выгоды. Больше того, исходя из тех условий, с которыми гражданское законодательство связывает применение ст. 451 Гражданского кодекса РФ, можно прийти к выводу о том, что целью указанного института является восстановление баланса интересов сторон договора, который может быть нарушен при возникновении непредвиденных и непредотвратимых сторонами обстоятельств.

Что касается невозможности исполнения, то согласно ст. 416 Гражданского кодекса РФ обязательство прекращается невозможностью исполнения, если она вызвана наступившим после возникновения обязательства обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает. При таких обстоятельствах, обусловленных объективной невозможностью, например, в связи с

гибелью вещи, изменить обязательство не представляется возможным.

Кроме того, для того чтобы возникли основания для применения ст. 451 Гражданского кодекса РФ необходимо соблюдение четырех основных условий, предусмотренных в п. 2 указанной статьи, в отношении возникшего обстоятельства, а именно:

- непредвиденность обстоятельств;
- непреодолимость обстоятельств;
- ни обычай, ни существо договора не предполагают необходимости возложения риска происшедшего изменения обстоятельств на заинтересованную сторону;
- исполнение договора без изменения его условий настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора.

С точки зрения практической установление всех вышеназванных условий осложняется весьма кропотливым процессом их исследования юрисдикционным органом, что в условиях существующей нагрузки, а порой недостаточной квалификации судьи, делает решение вопроса в случае возникновения коллизии между статьями 451 и 416 Гражданского кодекса РФ приоритет в пользу статьи 416.

Следующее различие объясняется тем, что, если обязательство в соответствии со ст. 416 Гражданского кодекса РФ прекращается с момента возникновения невозможности исполнения, тогда как существенно изменившиеся обстоятельства, приводят к изменению либо расторжению договора. При этом, расторжение или изменение условий договора может быть обусловлено соглашением сторон либо в случае недостижения согласия между сторонами заключить соглашение добровольно — по решению суда.

С учетом сказанного, можно прийти к выводу о следующих различиях между институтами существенного изменения обстоятельств и невозможности исполнения.

Во-первых, цель института существенно изменившихся обстоятельств направлена на создание условий поддержания баланса между сторонами имущественных отношений, тогда как институт невозможности исполнения имеет целью прекращение гражданско-правовых обязательств;

Во-вторых, для применения института существенно изменившихся обстоятельств направлена требуется доказать одновременное наличие вышеназванных четырех условий, тогда как нормы о невозможности исполнения, обусловлены фактом наступления такого обстоятельства как невозможность.

Библиографический список

1. *Канашевский В.А.* Условия о форс-мажоре во внешнеэкономических контрактах // Журнал российского права. 2009. № 2
2. *Дудко А.Г.* Существенное изменение обстоятельств как основание изменения или расторжения договора // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2000. № 1. С. 103–104.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1. // СЗ РФ от 5 декабря 1994 г., № 32.
4. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право: общие положения. Книга первая. 2-е изд. С. 752–753.
5. *Очхаев Т.Г.* Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. Статут, 2017 г. // СПС «Консультант Плюс».
6. *Очхаев Т.Г.* Указанное сочинение // СПС «Консультант Плюс».
7. *Очхаев Т.Г.* Указанное сочинение // СПС «Консультант Плюс».
8. *Кондратьева Е.М.* Концепции регулирования изменившихся обстоятельств во внешнеторговых сделках. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2014, № 5, с. 96–101
9. Bürgerliches Gesetzbuch Deutschland // www.Bürgerliches.
10. *Ойгензихт В.А.* Проблемы риска в гражданском праве. Душанбе: Ирфон, 1972. С. 168–177.

ВИДЫ ОРГАНИЗАЦИЙ, СОЗДАВАЕМЫХ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В РОССИИ

© 2019 Барковская Людмила Евгеньевна
соискатель

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Россия, Москва

В данной статье автором предложено определение понятия «инфраструктура интеллектуальной собственности», а также разработана ее структура, описаны ее основные субъекты (участники). Особое внимание автор уделяет правовому статусу ассоциаций и союзов, осуществляющих свою деятельность в сфере интеллектуальной собственности. Делается вывод о необходимости законодательного закрепления норм о таких организациях в части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: инфраструктура интеллектуальной собственности, организации по коллективному управлению правами, Всероссийское общество изобретателей и рационализаторов, Союз писателей России, Союз композиторов России.

Построение инновационной экономики невозможно без увеличения объемов результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД) и средств индивидуализации, вовлекаемых в гражданский оборот. Коммерциализация интеллектуальной собственности (далее – ИС) возможна двумя основными путями: за счет использования в собственном производстве и бизнесе, либо за счет совершения сделок с исключительными правами на РИД. Как для первого, так и для второго варианта коммерциализации необходимо создание востребованных РИД.

В связи с этим важнейшим фактором достижения цели формирования рынка ИС и построения инновационной экономики является формирование инфраструктуры ИС. Инфраструктура (англ. – Infrastructure, от лат. Infra – под + Structura – строение) – это комплекс взаимосвязанных обслуживающих структур, составляющих и/или обеспечивающих основу для решения проблемы (задачи) [1]. Применительно к теме статьи, инфраструктура ИС представляет собой систему субъектов и объектов, которая обеспечивает достижение цели построения инновационной экономики, основанной на знаниях. Иными словами, инфраструктура ИС – это совокупность профессиональных посредников, представителей, а также других лиц, которые осуществляют помощь авторам и правообладателям РИД в достижении основных целей создания и использования ИС – создания новых РИД и их коммерциализации.

По мнению автора, в условиях рыночной эконо-

мики такая инфраструктура должна функционировать, в первую очередь, децентрализованно и преимущественно формироваться негосударственными институтами, однако государство играет в ней важную системообразующую роль. В этой связи особое значение имеет правовой статус различных организаций, осуществляющих деятельности в сфере интеллектуальной собственности и формирующих инфраструктуру ИС.

Если исходить из предложенного понимания инфраструктуры ИС, то ее составляющими могут являться:

1. Государственные органы и организации, осуществляющие функции нормативно-правового регулирования ИС, контроля и надзора. К таким органам и организациям относятся, в частности, Министерство экономического развития Российской Федерации, Министерство культуры Российской Федерации, Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент) и подведомственные учреждения, а также другие органы и учреждения, включая суды, рассматривающие споры в сфере ИС.

2. Профессиональные общества и объединения, осуществляющие представление интересов творческих профессий, бизнеса и т.п. К таким организациям следует отнести Союз композиторов России, Союз писателей России, Союз журналистов России, Всероссийское общество изобретателей и рационализаторов и другие организации. Они представляют собой некоммерческие организации, созданные в целях

представления интересов соответствующих категорий авторов и правообладателей и защиты их интересов. Особое место среди них занимает Торгово-промышленная палата Российской Федерации (далее – ТПП РФ), несмотря на то, что вопросы ИС не являются для ТПП РФ основными. Данные участники инфраструктуры ИС являются ее важными участниками, в связи с чем считаем необходимым остановиться на них подробнее ниже.

3. Организации по коллективному управлению правами. Данные организации создаются и функционируют в соответствии со статьями 1242-1244 [2] Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в целях защиты имущественных интересов авторов и правообладателей объектов авторского права и смежных прав, что отличает их от организаций, отмеченных в пункте два данного списка. Организациям по коллективному управлению была посвящена отдельная статья автора [3]. К данным организациям относятся, в частности, Российское авторское общество, Всероссийская организация интеллектуальной собственности, Российский союз правообладателей и другие подобные организации.

4. Коммерческие организации, оказывающие различного рода услуги в сфере ИС, в том числе адвокатские конторы и др. Данные субъекты являются важным элементом инфраструктуры ИС, однако, как правило, оказание услуг в сфере ИС не является основным видом деятельности указанных организаций.

Итак, негосударственные субъекты инфраструктуры ИС достаточно разнообразны и многочисленны. Некоторые из них специализируются исключительно на интеллектуальной собственности, для других данная сфера не является профильной, как например, для ТПП РФ и различных юридических фирм. Некоторые же в настоящее время уже получили адекватное правовое регулирование, их статус и деятельность определены ГК РФ и иными нормативно-правовыми актами. К таким организациям, например, относятся организации по коллективному управлению авторскими и смежными правами. Вместе с тем, имеется целый ряд организаций, которые выполняют крайне важную в рамках страны функцию в сфере ИС, но роль которых в развитии ИС не определена в нормах части четвертой ГК РФ. К ним относятся профессиональные общества и объединения. В связи

с этим считаем необходимым более детально остановиться на той роли, которую данные организации играют в инфраструктуре ИС, и анализе их полномочий. Для этого обратим внимание на такие организации, как Союз композиторов России, Союз писателей России и Всероссийское общество изобретателей и рационализаторов.

Союз композиторов России.

Союз композиторов России является всероссийской общественной организацией. В соответствии с п. 2.1. Устава Всероссийской общественной организации «Союз композиторов России» [4], целью ее деятельности является содействие, представление, реализация и защита интересов членов организации в их профессиональной деятельности. Среди конкретных целей и задач п. 2.2. устава устанавливает защиту творческих, авторских и гражданских прав и интересов членов организации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что деятельность Союза композиторов заключается в представлении, продвижении и защите интересов своих членов. Однако, несмотря на кажущуюся простоту данной формулировки, следует иметь в виду, что в первую очередь речь идет не о представительстве по смыслу ст. 182 ГК РФ [5]. Если обратить внимание на п. 2.3. устава данной организации, то становится очевидным, что компетенция и действия, которые Союз композиторов вправе осуществлять для достижения уставных целей направлена на взаимодействие с государственными органами, участие в разработке социально-экономической политики, разработке проектов законов и нормативных правовых актов, проведение активной общественной деятельности и тому подобное. Конечно, в данном пункте также говорится, что Союз вправе оказывать своим членам информационно-консультативную, методическую и правовую помощь, однако, из содержания п. 2.3. следует, что представление интересов членов Союза необходимо понимать как консолидированное выражение воли определенной группы лиц (композиторов и иных членов общества) при взаимодействии с государственной властью, общественными институтами и международными организациями. В этом ключе значение деятельности данного Союза приобретает особое значение, большее, чем простое представительство авторов и правообладателей в гражданско-правовых отношениях.

Союз писателей России.

Аналогичным образом сформулированы цели и задачи Союза писателей России. П. 2.1 устава Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» [6] закрепляет, что Союз имеет своей целью объединение писателей России в творческое содружество для создания условий их профессионального роста, а также для защиты законных прав и интересов писателей. Данная формулировка является более широкой, чем определение цели в уставе Союза композиторов, и позволяет в совокупности с положениями пунктов 2.2. и 2.3. устава сделать следующий важный вывод. Данная организация осуществляет не только представление интересов писателей как категории граждан в отношениях с государством и обществом, и не просто оказывает правовую и иную помощь (в том числе осуществляя полномочия представителя в ряде случаев), но ее деятельности также направлена на создание в обществе условий для развития литературного творчества.

Эта цель является очень важной в системе инфраструктуры ИС. Если вновь обратиться к структуре инфраструктуры, то станет очевидным, что, не считая государственных органов, ее основную массу составляют субъекты, осуществляющие представительские и посреднические функции. Однако для развития рынка ИС и становления инновационной экономики не менее важное значение имеет не только возможность обратиться за помощью к профессиональным посредникам и специалистам в сфере ИС, но и наличие необходимых условий для осуществления творческой деятельности и реализации ее результатов.

Всероссийское общество изобретателей и рационализаторов (далее – ВОИР).

Наиболее показательным в контексте данной статьи является пример Общественной организации «Всероссийское общество изобретателей и рационализаторов», так как ее деятельность практически всецело сосредоточена вокруг вопросов интеллектуальной собственности (в первую очередь промышленной собственности). Статья 5 устава Общественной организации «Всероссийское общество изобретателей и рационализаторов» закрепляет следующие цели деятельности организации:

- объединение физических лиц: изобретателей, рационализаторов, самодеятельных авторов, патентообладателей, других лиц, содей-

ствующих развитию технического творчества, а также юридических лиц - общественных объединений, для совместного решения задач по защите их прав, законных интересов и удовлетворения их потребностей в указанной сфере;

- создание организационных, экономических, социальных и правовых условий для проявления и реализации творческих возможностей членов Общества, усиления их социальной защищенности;

- оказание практической помощи изобретателям и рационализаторам - членам Общества в разработке и внедрении их предложений;

- защита, в случаях и порядке, установленных законодательством Российской Федерации, прав и законных интересов членов Общества в сфере интеллектуальной (в том числе промышленной) собственности [7].

На основе анализа данного положения устава можно подчеркнуть, что цели союзов и ассоциаций, осуществляющих деятельность в сфере интеллектуальной собственности можно сгруппировать следующим образом:

- 1) консолидация представителей творческих профессий, а также авторов и правообладателей для целей представления их интересов как социальной группы в отношениях с государственной властью и обществом;

- 2) создание условий для стимулирования творчества (в случае с ВОИР технического творчества);

- 3) оказание юридической помощи членам общества (в том числе, представительство).

Причем следует особо отметить, что автор специально обозначил обобщенные цели именно в таком порядке, так как первая цель является в уставах всех трех исследованных организациях первой среди других, в то время как остальные перечисляются уже после. Также второй цели уделено немало подпунктов и задач во всех трех уставах, в то время как оказание юридической помощи членам организаций во всех изученных уставах указывается лишь по одному разу

В качестве подтверждения данного тезиса приведем пример с официального сайта ВОИР, где в сжатой форме доступным языком сформулированы задачи организации. Задачи ВОИР состоят:

- в активном взаимодействии с государственными органами и институтами развития при разработке и реализации программ и про-

ектов, совершенствовании законодательства и нормативной правовой базы в сфере изобретательской и рационализаторской деятельности в целях защиты прав и интересов членов Общества;

- в формировании, содействии и стимулировании общественной инициативы, направленной на активизацию изобретательской и рационализаторской деятельности в Российской Федерации с опорой на опыт и традиции, сформировавшиеся на протяжении десятилетий несколькими поколениями отечественных изобретателей;

- в сохранении, популяризации и распространении знаний и опыта в сфере изобретательства и рационализаторства с использованием современных информационных технологий и максимальном вовлечении в процесс технически способной и активной молодежи;

- в освещении достижений в области изобретательской и рационализаторской деятельности в средствах массовой информации с привлечением широкого внимания общественности, промышленных и инвестиционных партнеров, в том числе международных, с целью внедрения разработок и обеспечения притока дополнительных инвестиций в экономику России [8].

Таким образом, перечисление задач включает представление интересов изобретателей и рационализаторов в отношении с государством и обществом, а также создание условий, стимулирующих техническое творчество в России, в то время как оказание юридической и иной помощи членам организации здесь не упоминаются вовсе.

Также, по мнению автора, следует особо подчеркнуть такую задачу ВОИР, как формирование, содействие и стимулирование общественной инициативы, направленной на активизацию изобретательской и рационализаторской деятельности в Российской Федерации с опорой на опыт и традиции, сформировавшиеся на про-

тяжении десятилетий несколькими поколениями отечественных изобретателей. Сохранение традиций отечественного изобретательства, которые сложились в Советском Союзе, является крайне важным ввиду их преимуществ, благодаря которым Россия до сих пор сохраняет технологическое лидерство в ряде наукоемких отраслей. Однако данные традиции опираются на ныне не действующее законодательство СССР. Как справедливо отмечает О.В. Ревинский, уже отмененные законы и другие акты РФ и даже СССР можно применять в тех случаях, когда они не входят в противоречие с действующим Гражданским кодексом [9]. В этой связи опыт ВОИР является неоценимым, так как организация была основана еще в СССР и в 2017 году отметила 85-летний юбилей.

В связи с этим считаем необходимым особо подчеркнуть, деятельность различных ассоциаций и союзов в сфере ИС направлена, в первую очередь, на консолидацию интересов авторов и правообладателей и их представлении в отношениях с государственной властью, обществом и международными организациями и институтами. Эта цель является неопределимо важной, так как позволяет влиять на формирование государственной политики и общественное отношение к творческой деятельности, что способствует формированию в России такой среды, которая способствовала проявлению творческих способностей граждан, более эффективной коммерциализации ИС и становлению атмосферы уважительного отношения к ИС.

Вместе с тем, данная важнейшая функция и роль ассоциаций и союзов в сфере ИС никоим образом не закреплена в части 4 ГК РФ, что, по мнению автора, не способствует эффективному взаимодействию данных организаций с государством и обществом. В связи с этим считаем необходимым включить в часть 4 ГК РФ нормы, регламентирующие роль данных организаций в укреплении законности в сфере ИС.

Библиографический список

1. URL: [http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?Rlt\(wgxywzqyzwg](http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?Rlt(wgxywzqyzwg)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая. Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СПС КонсультантПлюс.
3. Барковская Л.Е. Новеллы правового регулирования организаций по управлению правами на коллективной основе // Копирайт. 2018. №1. С. 24-32.
4. Устав Всероссийской общественной организации «Союз композиторов России» // <http://unioncomposers.ru/upload/ustav.pdf>

5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СПС КонсультантПлюс.
6. Устав Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» // <http://rospisatel.ru/ustav.htm>
7. Устав Общественной организации «Всероссийское общество изобретателей и рационализаторов» // <http://www.ros-voir.ru/ru/ustav-page>
8. <http://www.ros-voir.ru/ru/structure-page>
9. *Ревинский О.В.* Право промышленной собственности. Курс лекций. / О.В. Ревинский. М. : Юрсервитум, 2017. – 50 С.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО;
БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО**

УДК 347.73

DOI: 10.14451/2.130.37

ОБЪЕКТ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ НАЛОГА НА ИМУЩЕСТВО ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

© 2019 **Бабаян Зарине Мкртичевна**

аспирант кафедры правового обеспечения экономической деятельности

Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г.В. Плеханова, Россия, Саратов

E-mail: zarine.k@yandex.ru

С объектом налогообложения, а точнее с нарушением правил его учета, связывается и состав отдельного налогового правонарушения, что тоже подчеркивает его важность в механизме правового регулирования сферы налогообложения. Объект налогообложения как элемент юридической конструкции налога очень значим для целей установления, введения, и взимания налогов, что указывает на необходимость изучения сущности этого понятия, совершенствование понятийного аппарата, связанного с названным элементом.

Ключевые слова: объект налогообложения, налог на имущество физических лиц, НК РФ, налоги, законность.

В настоящее время вопросы теоретического определения объекта налогообложения являются актуальными уже в силу того, что данный элемент указывает, с чего берется тот или иной налог.

Известно, что налоги являются существенным признаком государства, что нашло свое отражение и в Конституции РФ. В связи с этим Конституционный Суд РФ в своих решениях постоянно подчеркивает значение налоговых платежей как экономической основы деятельности Российского государства.

В Налоговом кодексе РФ (далее — НК РФ) положения Основного Закона детализированы относительно законности установления налогов, в том числе в части закрепления в законах и решениях о налогах вместе с налогоплательщиками также объектов налогообложения и иных элементов налогообложения, то есть речь идет об определенной юридической конструкции налога.

Налог на имущество физических лиц является прямым налогом местного уровня [4, с. 152]. Под имуществом в целях налогообложения в целом понимаются виды объектов гражданских прав (за исключением имущественных прав), относящихся к имуществу в соответствии с ГК РФ, то есть применяется в данном случае терминология гражданского права (п. 2 ст. 38 НК РФ). Имущество характеризует товар, как реализуемое либо предназначенное для реализации. При этом указывается, что к товарам может быть отнесено иное имущество, определяемое в соот-

ветствии с таможенным законодательством (п. 3 ст. 38 НК РФ).

Трофимов С.В. указывает, что при принятии НК РФ термин «имущество» не отличался применительно к налоговым отношениям от аналогичного понятия в ГК РФ. Но в 1999 году в ст. 38 НК РФ были внесены изменения, согласно которым имущественные права исключены из содержания имущества, что однако не коснулось норм части второй НК РФ [5, с. 19].

В настоящее время к числу регионов, которые ввели кадастровую оценку стоимости имущества, относятся 72 субъекта РФ. Таким образом, на территориях 13 субъектов РФ пока применяется инвентаризационная стоимость имущества, но с учетом коэффициента-дефлятора, устанавливаемого Министерством экономического развития РФ (Свердловская область, Томская область, Республика Крым, город Севастополь). На 2018 год коэффициент составляет 1,481 относительно инвентаризационной стоимости по состоянию на 1 марта 2013 года. С каждым годом показатель коэффициента увеличивается, к примеру, в 2017 году он составлял 1,425.

В ранее действовавшем Законе РФ от 9 декабря 1991 г. № 2003–1 «О налогах на имущество физических лиц» в качестве объекта обложения данным налогом также являлось имущество, принадлежавшее физическим лицам на праве собственности (п. 1 ст. 1).

При сравнении поимущественного налогообложения в Российской Федерации и иных странах стоит указать, что на основании ст. 323

раздела XIII «Налог на имущество» Налогового кодекса Кыргызской Республики в Кыргызстане налог на имущество не подразделяется на отдельные налоги для организации и физических лиц, являясь единым для обеих категорий налогоплательщиков. Объектом налогообложения является имущество, находящееся:

- в государственной собственности, а также закрепленное за государственными предприятиями (на праве хозяйственного ведения или на праве оперативного управления) и за учреждениями (на праве оперативного управления);

- в муниципальной собственности, а также закрепленное за муниципальным предприятием (на праве хозяйственного ведения) и за учреждениями (на праве оперативного управления);

- в частной собственности.

В соответствии со статьей 405 действовавшего до 31 декабря 2017 года Кодекса Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» от 10 декабря 2008 г. № 99-IV объектом обложения налогом на имущество физических лиц являются находящиеся на территории государства жилища, здания, дачные постройки, гаражи и иные строения, сооружения, помещения, принадлежащие им на праве собственности.

Изложенное показывает, что в странах бывшего СССР имущественное налогообложение физических лиц обусловлено либо единым налогом на имущество для организаций и физических лиц (налогом на недвижимость, налогом на недвижимое имущество), либо отдельным для указанной категории налогоплательщиков налогом.

Если рассматривать дальше зарубежье, то, в частности, налог на недвижимость Швейцарии является кантональным и, соответственно, регламентируется на этом уровне. А на Кипре для привлечения инвесторов-физических лиц налога на имущество был отменен с 1 января 2017 года. Ранее же им облагалась также стоимость жилой недвижимости [2, с. 79].

Стоит обратить внимание, что по российскому законодательству о налогах и сборах под объект обложения налогом не подпадает имущество, временно переведенное на консервацию.

В России также проводился эксперимент, связанный с использованием единого налога на недвижимость. В частности, 20 июля 1997 г. был принят Федеральный закон «О проведении экс-

перимента по налогообложению недвижимости в городах Великом Новгороде и Твери» № 110-ФЗ. В рамках эксперимента на территориях названных городов в период с 1997 по 2005 г.г. вместо налога на имущество предприятий, налога на имущество физических лиц (за исключение налога на транспортные средства) и земельного налога взимался единый налог на недвижимость. Это было связано с тем, что поступления от имущественных налогов не обеспечивали стабильности поступлений в бюджетную систему, а налоговая база недвижимого имущества не соответствовала рыночным ценам. Налог планировался как местный, а налоговая база рассчитывалась из рыночной стоимости объектов налогообложения. Хотя эксперимент был признан успешным, налогообложение организаций и физических лиц в России сегодня осуществляется с использованием отдельных имущественных налогов. Тем не менее, сущность единого налога на недвижимость в других странах связывается с большей эффективностью его администрирования, снижением издержек на взимание и упрощением для налогоплательщиков процесса уплаты имущественных налогов в форме единого платежа.

Целесообразно указать, что от уплаты налога освобождены индивидуальные предприниматели, применяющие специальные налоговые режимы: ЕСХН (п. 3 ст. 346.1 НК РФ), УСН (п. 3 ст. 346.11 НК РФ), ЕНВД (п. 4 ст. 346.26 НК РФ) или патентную систему налогообложения (п. 10 ст. 346.43 НК РФ). Но это правило касается только имущества, применяемого для предпринимательской деятельности.

Как отмечают Погодина И.В. и Борисова А.А. в целом в мировой практике применяются несколько подходов в оценке имущества. Стоимость имущества определяется исходя из цены сделок с аналогичными объектами в США и Японии. Стоит отметить, что в России в настоящее время нет единого государственного источника информации о сделках на рынке недвижимости, поэтому данный способ не используется. По мнению авторов, наиболее справедливыми является сочетание затратного и сравнительного подхода [3, с. 25]. Этот вывод видится справедливым, поскольку позволяет оценивать имущество для целей налогообложения с учетом износа, то есть уменьшать его кадастровую либо инвентаризационную стоимость, к которой применяется ежегодный коэффициент-дефлятор.

Следует оговорить, что закрепление различных объектов налогообложения не означает одинаковое применение по отношению к ним налоговых льгот. Так, под них не попадают объекты, чья кадастровая стоимость превышает 300 млн. руб. (пп. 2 п. 2 ст. 406 НК РФ).

Уже упоминалось, что на основании ст. 401 НК РФ объектом налогообложения признаются жилой дом, жилое помещение (квартира, комната). При этом для установления указанных объектов необходимо обратиться к Жилищному кодексу РФ (далее — ЖК РФ).

Здесь необходимо обратить внимание на очень важную проблему, что согласно п. 4 ст. 15 ЖК РФ жилое помещение может быть признано непригодным для проживания по основаниям и в порядке, которые установлены Правительством РФ. Однако в Налоговом кодексе РФ нет упоминаний о таком возможном характере жилых помещений, которые, по сути, не могут использоваться по прямому назначению, но будут облагаться налогом в качестве объекта налогообложения.

Важно также указать, что, как отмечают специалисты, объектом по налогу являются не все изолированные помещения, а лишь квартира и комната, что подтверждается отдельным выделением среди объектов жилых домов. Таким образом, другие объекты, являющимися жилыми помещениями согласно жилищному законодательству, объектом налогообложения не будут. То есть часть жилого дома и часть квартиры не представляют собой самостоятельный объект обложения. В качестве примера можно привести законодательное закрепление в п. 6 ст. 403 НК РФ, что налоговая база относительно единого недвижимого комплекса, в состав которого входит хотя бы один жилой дом, определяется в качестве его кадастровой стоимости, уменьшенной на 1 млн. руб. Тем самым в наличии обособление жилых домов от иных изолирован-

ных помещений, как это сделано и в отношении квартир и комнат [1, с. 66]. Стоит отметить, что дефиниций таких объектов налогообложения, как: гараж и машино-место, — до настоящего времени в законодательстве о налогах и сборах нет. К примеру, понятие «машино-место» закреплено в п. 29 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ. А определение гаража до сих пор отсутствует в каком-либо федеральном законодательстве, присутствуя в некоторых актах налоговых органов. Нет в НК РФ и дефиниций понятий хозяйственное строение или сооружение, как и в ином отраслевом законодательстве.

Тем самым в качестве вывода можно констатировать, что для определения налоговой базы относительно имущества физических лиц как объекта налогообложения целесообразно использовать затратно-сравнительный способ оценки имущества, что дает возможность оценивать его с учетом износа, то есть уменьшать его кадастровую либо инвентаризационную стоимость, к которой применяется ежегодный коэффициент-дефлятор. Также необходимо внести дополнения в ст. 401 НК РФ, закрепив, что объектом налогообложения признается не просто жилой дом, квартира и комната, а пригодные именно для проживания. Целесообразно закрепить в НК РФ дефиниции таких понятий, как: машино-место; гараж, хозяйственное строение, хозяйственное сооружение. Имеет смысл вернуться к продолжению эксперимента по использованию единого налога на недвижимость вместо налога на имущество организаций, налога на имущество физических лиц и земельного налога с целью повышения эффективности налогового администрирования, снижения издержек на взимание и упрощения для налогоплательщиков процесса уплаты имущественных налогов в форме единого платежа, объектом которого были бы здания, сооружения и иное недвижимое имущество, земельные участки.

Библиографический список

1. Зрелов А. Налог на имущество физических лиц: парад коллизий // Налоговый вестник. 2014. № 12. С. 66–79.
2. Мясников О. Зарубежные налоговые юрисдикции, подходящие для жизни и инвестиций // Налоговый вестник — Консультации. Разъяснения. Мнения. 2017. № 10. С. 79–87.
3. Погодина И.В., Борисова А.А. Налогообложение недвижимого имущества: проблемы и перспективы // Налоги-журнал. 2015. № 5. С. 25–28.
4. Попов В.В. Вопросы реализации прав муниципальных образований в сфере налогообложения // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 5 (75). С. 152–154.
5. Трофимов С.В. Правовой режим имущества в налоговом законодательстве РФ // Финансовое право. 2015. № 2. С. 19.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО;
ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИПОТЕЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГЕРМАНИИ

© 2019 **Понька Виктор Федорович**

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права,
процесса и международного частного права
Российский университет дружбы народов, Россия, Москва
E-mail: Vf_Ponka@mail.com

Статья посвящена рассмотрению основных положений законодательного регулирования ипотечных правоотношений в Германии. Автором анализируются особенности защиты интересов участников ипотечных правоотношений, получившие закрепление в законодательстве.

Делается вывод о том, что стабильное правовое регулирование обеспечивает возможности для надежного контроля за системой ипотечного кредитования и позволяет значительно снижать стоимость ипотечных кредитов и связанные с ними финансовые риски. Отмечается, что законодательство позволяет развивать различные модели организации ипотеки, учитывающие возможности и интересы различных групп населения.

Ключевые слова: ипотека, ипотечный кредит, ипотека Германии, рынок ипотечных услуг, процентные ставки

В Германии создана одна из наиболее устойчивых систем правового регулирования ипотечных правоотношений, позволяющая осуществлять долгосрочное кредитование благодаря высокому уровню защиты интересов кредиторов: «Более чем столетний опыт применения норм немецкого законодательства в области ипотечного права свидетельствует о его качестве и стабильности» [12, С. 261].

Несмотря на значительное число различных видов и подвидов ипотеки, а также различные варианты организации ипотечных правоотношений [2, С. 396–397], их правовое регулирование в германском праве имеет общую основу и строится на основе одноуровневой модели ипотечного кредитования, при которой функции кредитора и инвестора выполняет банк или иная организация, выдающая ипотечный кредит. Законодательство не предусматривает возможности переуступки таких обязательств специализированным ипотечным агентствам, которые могли бы, как это принято, в частности, в США, выпускать основанные на них ипотечные ценные бумаги для их реализации на фондовом рынке [9], [10].

Германия также относится к числу стран, сохраняющих специализированные формы финансирования ипотечного кредитования [3, С. 368], в котором могут участвовать только определенные виды кредитных учреждений, находя-

щихся под особым контролем со стороны государства.

В отличие от российского права, рассматривающего ипотеку в качестве одной из форм залога (пункт 4 статьи 334 Гражданского кодекса Российской Федерации), законодательство Германии исходит из признания ипотеки самостоятельным правовым институтом, хотя и имеющим общие черты с залогом, но отличающимся от него рядом особенностей.

Правовое регулирование ипотеки в Германии содержится в нескольких законодательных актах, в том числе в Германском гражданском уложении (ГГУ), в Положении о поземельной книге, законодательстве о потребительских кредитах, ипотечных банках и других нормативных правовых актах [8, С. 584–585].

При определении правового содержания ипотеки в § 1113 ГГУ предусматривается, что устанавливаемое обременение в отношении недвижимого имущества должно обеспечивать возможность выплаты денежных средств для удовлетворения требования лица, в пользу которого устанавливается ипотека. Таким образом, закон определяет необходимость наличия юридического основания (causa) ипотеки. Возникновение и действительность ипотеки зависит от наличия и действительности денежного требования, с которым она связана. При передаче обеспечиваемого требования ипотека переходит

к новому кредитору (§ 1153 ГГУ) и прекращается только с прекращением такого требования.

Ипотека возникает на законных основаниях при наличии соглашения и при условии регистрации в соответствии с § 873 ГГУ, осуществляемой путем внесения соответствующей записи в поземельную книгу на основании заявления заинтересованного лица. Собственник имущества по общему правилу должен выразить согласие с обременением принадлежащего ему имущества в пользу кредитора, а кредитор принять такое обеспечение. При этом регистратор обязан фиксировать время поступления заявления, обеспечивая учет очередности кредиторов для случаев обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество [12, С. 262]. В соответствии с § 892 ГГУ и закрепляемым им принципом публичной достоверности внесение записи в поземельную книгу обеспечивает для сторон ипотечных правоотношений актуальные достоверные сведения о собственнике недвижимого имущества и существующих в его отношении обременениях.

Законодательство Германии предусматривает целую систему правовых норм, направленных на защиту интересов держателя ипотеки, в определенной мере отделив для указанных целей ипотечное обязательство от первоначально обеспечиваемого им обязательственного правоотношения и привязав ипотеку непосредственно к требованию, в целях обеспечения которого она устанавливается. В интересах держателя ипотеки § 1127 ГГУ предусматривает, что при наличии страхования объекта ипотека распространяется на требование к страховщику.

В соответствии с § 1132 при установлении ипотеки в отношении нескольких объектов недвижимости каждый из таких объектов будет гарантировать весь объем имеющегося требования, то есть кредитор сможет получить удовлетворение полностью или частично по своему усмотрению за счет каждого из объектов, в отношении которых установлена ипотека. Специальные положения подлежат применению при

угрозе безопасности залога (§ § 1133, 1134 и др. ГГУ), причем должник несет ответственность не только за имущество, но и за его части, принадлежности, связанные с ним доходы и т.д. (§ § 1120 и 1123 ГГУ).

ГГУ также исходит из необходимости признания и защиты законных, разумных и обоснованных интересов собственника имущества, в отношении которого устанавливается ипотека, при решении любых вопросов, которые не создают непосредственной угрозы для удовлетворения требования кредитора. Так, согласно § 1136 ГГУ недействительным признается любое соглашение, по которому собственник обязуется перед кредитором не продавать имущество.

При единых общих основах правового регулирования ипотечных правоотношений законодательство Германии закрепляет специальные нормы, относящиеся к отдельным видам и подвидам ипотеки, в том числе оборотной (§ 1116 ГГУ), обеспечительной (§ 1184 ГГУ) ипотеке, специальной ипотеке при строительстве или ремонте (§ 648 ГГУ), общей ипотеке в отношении нескольких объектов недвижимости, принудительной ипотеке при исполнительном производстве и т.д.

Стабильное правовое регулирование, обеспечивающее возможности относительно простого контроля и исключаящее в силу одноуровневой модели ипотечного кредитования затраты на выплаты вознаграждений посредникам, приводит к значительному снижению как кредитно-финансовых рисков, так и стоимости ипотечных кредитов для залогодателей. В результате этого Германия входит в число стран с самыми низкими ипотечными ставками [4, С. 49].

В то же время законодательство позволяет развивать различные модели организации ипотечных институтов, включая как классическую модель ипотечного банка, так и специализированные ссудо-сберегательные кассы, учитывая возможности и интересы различных групп населения страны.

Библиографический список

1. Афанасьева О.Н. Особенности развития ипотечного кредитования за рубежом // Евразийский союз ученых. 2016. № 29. — С. 20–23.
2. Гражданское и торговое право зарубежных государств. Учебник: В 2-х томах. Т. 1 / Отв. ред.: Васильев Е.А., Комаров А.С. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Международные отношения, 2006. — 560 с.
3. Егоров С.Н. Формирование ипотечной модели в России с применением зарубежного опыта // Вестник Чувашского университета. 2008 № 3. — С. 368–371.

4. *Иванова А.А.* Сравнительный анализ ипотечного жилищного кредитования в США, Франции, Германии и России // *Инновационные технологии в машиностроении, образовании и экономике.* 2018. № 1–2. — С. 45–52.
5. *Конобеева Е.Е., Конобеева О.Е.* Модели развития ипотеки: совершенствование и создание конкурентных преимуществ в организации жилищного кредитования в России // *Российское предпринимательство.* 2009. № 7. Вып. 2. — С. 117–121.
6. *Митрофанова Н.О., Омельченко К.А.* О ведении кадастра недвижимости в Германии // *Вестник СГУТиТ.* 2014. Выпуск 4 (28). — С. 72–79.
7. *Новакова С.Ю.* Современные жилищные модели ипотечного жилищного кредитования и их применение в России // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.* 2009. № 3. — С. 5–14.
8. Основные институты гражданского права зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование / *Авилов Г.Е., Вильданова М.М., Гайдаенко Н.И., Залесский В.В.* и др. / Отв. ред. Залесский В.В. — М.: Норма, 2000. — 648 с.
9. *Понька В.Ф.* О правовой природе ипотечного кризиса в США // *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки.* 2010. № 4. — С. 102–109.
10. *Понька В.Ф.* Особенности правового статуса ипотечных организаций США в исторической ретроспективе // *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки.* 2010. № 3. — С. 49–54.
11. *Разумова И.А.* Становление и развитие системы ипотечных банков в Германии // *Вестник Оренбургского государственного университета.* 2003. № 7. — С. 109–111.
12. *Трухина М.Л.* Краткая характеристика основных видов ипотеки в Германии // *Вестник Костромского государственного университета.* 2017. № 3. — С. 261–263.
13. *Хусиханов Р.У.* Особенности моделей ипотечного кредитования в развитых зарубежных странах // *Вестник университета.* 2014. № 6. — С. 164–167.

ECONOMIC AND LAW ISSUES

**Nº4 (130)
2019**

Editorial Council

A.P. Torshin — Candidate of Law, Deputy Chairman — State Secretary of the Bank of Russia, Chairman of the Editorial Board of the Journal “Economic and Law Issues”

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of the Journal “Economic and Law Issues”

A.G. Lisitsyn-Svetlanov — Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

V.N. Viktorov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Special Programs at St. Petersburg Mining University

Yu.V. Golik — Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

S.N. Silvestrov — Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Economic Policy Institute and the problems of economic security, Professor of the Department of World Economy and World Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation

A.A. Liverovsky — Doctor of Law, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg

Editor-in-Chief

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor

Editorial Secretary

V.V. Bolgova — Doctor of Law, Professor

The journal is included in the list of the Higher Accreditation Committee of The Ministry of Education and Science of Russia of the leading scientific journals and publications issued in the Russian Federation, where the main scientific results of the scientific theses for the degrees of Doctor and Candidate of Science can be found

Founder: LLC “Economic Sciences”

Address: 125057, Moscow, Chapaevskii per., 3-775

E-mail: info@law-journal.ru

WWW: <http://law-journal.ru>

The Certificate of registration of mass media

ПИ №ФС 77-31419 from 06.03.2008

Subscription index 70180 (Agency “Rospechat”)

ISSN 2072-5574

Editorial Board

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of the Journal “Economic and Law Issues”

O.Yu. Bakaeva — Doctor of Law, Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law of the Saratov State Law Academy

V.V. Bolgova — Doctor of Law, Professor, First Vice-Recto for Academic and Educational Work, Head of the Department of Theory and Philosophy of Law, Samara State University of Economics

A.A. Pavlushina — Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of Law of Samara State University of Economics

S.A. Makhosheva — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department “Regional Management” of the Institute of Informatics and the problems of regional management of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

A.M. Mikhailov — Doctor of Economics, Professor of Samara State University of Economics

V.V. Simonov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Church History, Moscow State University named after M. Lomonosov

I.A. Shulyatyev — PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of International and European Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

A.A. Alekseev — Doctor of Economics, Professor, Director of the Center for Innovative Development, Professor of the Department of Enterprise Economics and Production Management, St. Petersburg State University of Economics

V.P. Ponka — Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law, Process and Private International Law of the Peoples’ Friendship University of Russia

A.G. Zeldner — Doctor of Economics, Professor of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

M.F. Gus’kova — Doctor of Economics, Professor at the Institute of Paths, Construction and Structures of the Russian University of Transport (MIIT)

P.V. Pavlov — Doctor of Economics, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems of the Southern Federal University

R.I. Khansevyarov — Doctor of Economics, Professor of Samara State University of Economics

Issue date 30.04.2019

Format 60x84/8

Printed signatures 6.63

500 copies

Printed by “24 Print” Ltd

CONTENTS

STATE AND LAW. LEGAL SCIENCE;

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW; HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE

Gadzieva K.A. The role of the party's election campaign in the electoral process	51
Dzhikaeva F.Z. Protection of intellectual property rights on the internet	51
Dubrovin M.A. Global neocolonialism: the formulation of the concept	52
Zyablova T.E., Komarova Y.B., Mamchun V.V. The notion of dysfunction as a tool for functional analysis of law	53
Sokolov A.V. To the question of the effectiveness of the innovations in election technology	54
Posokhov S.P. Force majeure and impossibility	54
Barkovskaya L.E. Types of organizations created for the exercise and protection of intellectual rights in Russia	55

FINANCIAL LAW; TAX LAW; FISCAL LAW

Babayan Z.M. The object of taxation as an element of property tax of individuals	56
---	----

INTERNATIONAL LAW; EUROPEAN LAW

Pon'ka V.F. Regulation of mortgage relations in German law	56
---	----

STATE AND LAW. LEGAL SCIENCE

**THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW;
HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE**

**THE ROLE OF THE PARTY'S ELECTION CAMPAIGN
IN THE ELECTORAL PROCESS**© 2019 **Gadzieva Kristina Aleksandrovna**

Samara State University of Economics, Samara, Russia

E-mail: Gadzieva.k@mail.ru

The article is devoted to some characteristic features of the political personality of the electoral participant. The paper defines the role and political portrait of the participant of the electoral process as one of the fundamental figures in the electoral process of the Russian Federation. The basic provisions concerning freedom of speech and its limitations during the election campaign and elections are considered. The emphasis is not only on the political and legal portrait of the electoral participant, but also the necessary analysis of the characteristics of personal qualities, which ideally should have every participant of the election race. The age limit during the elections is determined, the problem of the need for higher education of the participant of the election race is analyzed, the functions of the participant of the elections are highlighted, the final concept of a professional participant of the election campaign before the society is highlighted.

Keywords: elections, election campaign, electoral process, voting, behavior model, participant of elections, delegation of authority.

PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS ON THE INTERNET© 2019 **Dzhikaeva Fatima Zaurovna**

Candidate of Law, Associate Professor of civil law and procedure

K.L. Khetagurov North Ossetia State University, Vladikavkaz, Russia

E-mail: fatimajik@yandex.ru

The article analyzes the mechanism for protecting intellectual property rights on the Internet, some gaps in legislation, as well as proposals for solving this problem

Key words: Internet, copyright, intellectual property, Civil Code of the Russian Federation, international private law, national legislation.

References

1. The civil code of the Russian Federation (part four) from 18.12.2006 № 230-FZ (as amended on 23.05.2018)
2. On property in the RSFSR: the RSFSR law of 10 Dec. 1990 n 443-1: official. text as of Nov 23. 1992 // sheets of Congress of people's Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation –1992.— December 10 – № 40 – St. 2909.
3. *Ross Andersen*, «Security Engineering», Chapter 22 // Electronic resource / URL: <https://www.cl.cam.ac.uk/~rja14/Papers/SEv2-c22.pdf>
4. *Dzhikaeva F.Z.* Entrepreneurial activity as a socio-political and legal category // Bulletin of the North Ossetian state University named after Costa Levanovich Khetagurov. 2012. No. 1. P. 166–169.

5. *Ephieva M.K., Ricew A.V., Dzhikaeva F.Z.* Legal regulation of business activities in the Russian Federation: current state and prospects / In the book: «social» Category in modern pedagogy and psychology materials of the 6th all-Russian scientific-practical conference with remote and international participation. 2018. P. 370–378.
6. *Pliev N.R., Dzhikaeva F.Z.* The Essence of legal custom and its role in the system of sources of law // Modern problems of science and education. 2014. No. 6. P. 1739.
7. *Savina V.S.* Copyright in the information society: prospects of development // Leningrad law journal. 2013. № 2 (32). P. 138–142.

GLOBAL NEOCOLONIALISM: THE FORMULATION OF THE CONCEPT

© 2019 **Dubrovin Mikhail Andreevich**

Assistant of the Department of International Law and Foreign Economic Activity, Law Institute
Vladimir State University named after Alexei Grigorievich
and Nikolai Grigorievich Stoletovs, Vladimir, Russia
E-mail: 301507@bk.ru

The study is devoted to the study of the theoretical side of the system of global neo-colonialism, with the identification of characterizing features. The facts that predetermined the formation of neo-colonial state dependence are considered. A conceptual vision of ways out of the influence of a non-metropolis is presented.

Keywords: globalization, integration, capitalism, colonization, metropolis, colony, neocolonization, neometropolis, neocolony.

References

1. *Boden ZH.* Metod legkogo poznaniya istorii [The method of easy knowledge of history].— Mosciow.: Nauka, 2000. 412 s.
2. *Kuznetsov V.* Chto takoye globalizatsiya? [What is globalization] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya.— 1988.— № 2.— S. 12–21.
3. *Lebedeva M.M.* Formirovaniye novoy gosudarstvennoy struktury mira i mesto v ney Rossii [Formation of the new political structure of the world and Russia's place in it]. / Polis., 2000, № 6.— S. 40–51/
4. Na ostriye vyzovov globalizatsii [At the forefront of globalization challenges]: monografiya / Ruman Makuyev; M-vo obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii, Gos. obrazovatel'noye uchrezhdeniye vyssh. prof. obrazovaniya «Orlovskaya regional'naya akad. gos. sluzhby».— Orel: Izd. tsentr ORAGS, 2011.— 163 s.
5. Obshchaya i prikladnaya politologiya [Obshchaya i prikladnaya politologiya]: Uchebnoye posobiye. / Pod obshchey redaktsiyey V.I. Zhukova, B. I. Krasnova.— Moscow: MGSU; Izd-vo «Soyuz», 1997.— 992 s.
6. Strategii bor'by s prestupnost'yu [Strategies to combat crime] / N. Kudryavtsev.— Moscow: Yurist, 2003 (Shcherbin. Tip.).— 349 s.
7. Strategii natsional'noy bezopasnosti SSHA [US National Security Strategies] / Sost. D.V. Kuznetsov.— B.m.: B. izd., 2018.— 680 s.
8. *Bzezinski Z.* Out of Control Global Turmoil on the Eve of the 21st Century.— N.Y., 1993. / *Perevod O.YU. Ural'skiy.*— Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya [International relationships], 1998.— 330 s.
9. The best short stories, Cleveland — N. Y., 1956 / v rus. per.— Sobr. soch. [Collected works], pod red. S. Dinamova, t. 2–7, 10–12, Moscow —L., 1928–30

THE NOTION OF DYSFUNCTION AS A TOOL FOR FUNCTIONAL ANALYSIS OF LAW

© 2019 **Zyablova Tatyana Evgenyevna**

Candidate of Law Sciences, associate professor; associate professor of the theory and history of state and law of faculty of the right and management
Vladimir legal institute FSIN of Russia, Vladimir, Russia
E-mail: tizet69@mail.ru

© 2019 **Komarova Yana Bakhruzovna**

Teacher of department of the theory and history of state and law of faculty of the right and management
Vladimir legal institute FSIN of Russia, Vladimir, Russia
E-mail: Ya. Ireland@mail.ru

© 2019 **Mamchun Vladimir Vyacheslavovich**

Candidate of Law Sciences, associate professor; associate professor «Theory and history of state and law»
Legal institute of M.M. Speransky
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia
E-mail: vladimir_mamchun@mail.ru

In article the possibilities of use of a concept of dysfunction of functional researches of the right are considered. On the basis of the analysis of experience of studying of the right by means of a sociological concept of dysfunction the conclusion about inexpediency of practice of sociological interpretation of dysfunction of the right is drawn. An opportunity and need of development of a concept of dysfunction of the right as the legal concept adapted to subject and methodological specifics and conceptual ranks of the theory of the right is proved. The prospects of its further use in processes of knowledge and creation of the right are considered.

Keywords: the general theory of the right, the right, legal dysfunction, function of the right, right dysfunction, the theory is right, functioning of the right, consequence of functioning of the right, sociological functionalism, the functional analysis of the right.

References

1. *Alekseev S.S.* The general theory is right. A course in 2 t. T. 1. M.: Yurid. litas, 1981. 360 p.
2. *Biryukov S.V.* About a concept and types of functions of the right // the Omsk scientific readings — 2018. Materials of the Second All-Russian scientific conference. Editorial board: T.F. Yashchuk [etc.]. Omsk: Omsk state university of F.M. Dostoyevsky. 2018. P. 1054–1056.
3. *Damirli M.A.* Legal dysfunction: concept, look, manifestations, reasons and ways of overcoming.//Vestn. Volgogr. state. un-that. It is gray. 5, Yurisprud. 2013. No. 2 (19). P. 14–17.
4. *Zhimirov V.N.* Legal functionalism (teoretiko-methodological analysis). Avtoref. yew. ... докт. юрид. sciences. Page — PB., 2005. 40 p.
5. *Kartashov V.N.* Theory of legal system society: a tutorial. In t. 2. (I); Yaroslavl: JarGU, 2005. 547 p.
6. *Komarova Ya.B.* Legal dysfunction: to statement of a problem//Synergy of Sciences. 2018. No. 28. P. 0798–803.
7. *Lanovaya G.M.* Functional characteristic of the right of civil society//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2017. No. 3. P. 79–82.
8. *Malko A.V.* legal system and legal society. Legal system and legal life of society//Magazine of Russian law. 2014. No. 7. P. 51–60.
9. *Merton R.* Social theory and social structure. M.: ACT: ACT MOSCOW: KEEPER. 2006. 873 p.
10. *Merton R.* Obvious and latent functions//American sociological thought: Texts: [Translation]/Sost. E.I. Kravchenko; Under the editorship of V.I. Dobrenkov. M.: MSU publishing house, 1994. P. 379–448.
11. *Osipyay B.A.* Principle of functional expediency of the law//Legislation and economy. 2009. No. 2. P. 60–68.
12. *Palazyan A.S.* Principles of systematization of functions of the right//Legal world. 2009. No. 2 (146). P. 51–54.

13. *Plotnikov V.V.* Destruction and dysfunction of social institutes: analysis of viability of the state system//Theory and practice of social development. 2014. No. 21. P. 44–46;
14. *Radko T.N.* Theory of functions of the right. M.: Avenue, 2014. 272 p.
15. *Toropov, A.A.* Recovery function is right: Questions of the theory and practice: Avtoref. yew. ... edging. юрид. sciences. N. Novgorod. 1998. 25 p.

TO THE QUESTION OF THE EFFECTIVENESS OF THE INNOVATIONS IN ELECTION TECHNOLOGY

© 2019 **Sokolov Alexey Vyacheslavovich**

4th year student, faculty «political science and sociology»

Financial University under the government of the Russian Federation, Moscow, Russia

The paper analyzes the practice of applying new approaches in electoral technologies on the example of the Moscow mayor elections in 2018.

Key words: the Interests of voters, the awareness of candidate about the interests of voters, the nomination of the candidate, analysis of the results of elections of the mayor 2013, a new image of the candidate in mayors of Moscow in 2018, campaign slogans, the simulated image of the candidate.

References

1. Russian Constitution. St. 32.
2. Federal law No. 103-FZ of 29 may 2019 «On conducting an experiment on the organization and implementation of remote electronic voting in the elections of deputies of the Moscow city Duma of the seventh convocation».
3. *Baglay, M.V.* Electoral system and referendum of the Russian Federation / M.V. Baglay // Constitutional law of the Russian Federation. M.: Norma, 2006. P. 390–784.
4. *Vasilenko I. A.* political Science — M.: yurayt, 2011–432 p.
5. *Sparrows, N.I., Nikulin, V.V.* Electoral law and electoral process in the Russian Federation / N.I. Vorobyov, V.V. Nikulin. Tambov: TSTU, 2005. p. 58.
6. Political science course: Studies. for universities/Ed. Col. A.G. Gryaznova, V.T. Zavyalov, E.A. Zvonova, etc.; fin. Acad. when Govt of the Russian Federation.-2nd ed., DOP.-M.: Infra-M,2002.— 460 p.

FORCE MAJEURE AND IMPOSSIBILITY

© 2019 **Posokhov Sergey Petrovich**

PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Process

and International Private Law at the Law Institute

RUDN University, Moscow, Russia

Comparison of force majeure as a circumstance precluding civil liability, with the impossibility of fulfilling obligations and a significant change in circumstances.

The article examines a comparison of force majeure, impossibility to fulfill obligations and a significant change in circumstances, determines the difference between these institutions and examines the legal consequences of applying these institutions in contractual relations

Keywords: responsibility, force majeure, impossibility of execution, loss, damage, significant change of circumstances, fault, causation

The relevance of research.

The relevance is due to at least several factors, one of them is connected with the practical importance of the institutions of insuperable force, the impossibility of performance and substantially changed circumstances, the other is based on scientific interest and is connected with the methodology of the science of private law.

The role of modern science of private law plays an important role in the development of private law relations it studies, because the main task of science is to identify patterns in the development of the phenomenon being studied and to give such a phenomenon with the help of the available methodological means characteristic of science to improve private law relations.

Speaking about the practical significance of the topic under study, it should be noted that modern law develops in the context of various objectively determined factors that are rendered to it, which invariably must be reflected in regulated private relations of legal institutions.

The degree of study.

In the science of civil law there are no works devoted to the study of the correlation of institutions of insuperable force, the impossibility of execution and a significant change in circumstances.

The object and subject of study.

The object of this study is the legal relations arising in connection with the arising legal consequences resulting from force majeure circumstances, the impossibility of performance and a significant change in circumstances. The subject of the study is the rule of law, as well as the provisions of civil doctrine relating to the institution of force majeure circumstances, the impossibility of execution and a significant change in circumstances.

Theoretical, methodological and practical significance of the topic.

The results of the study can be useful for the judiciary, as well as law faculties of higher educational institutions for teaching relevant courses in a civil direction.

TYPES OF ORGANIZATIONS CREATED FOR THE EXERCISE AND PROTECTION OF INTELLECTUAL RIGHTS IN RUSSIA

© 2019 **Barkovskaya Lyudmila Evgenievna**

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

In this article, the author proposed the definition of the concept of “intellectual property infrastructure”, and also developed its structure, describes its main actors (participants). The author pays special attention to the legal status of associations and unions operating in the field of intellectual property. The conclusion is made about the need for legislative strengthening of regulations on such organizations in part 4 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: intellectual property infrastructure, organizations for collective management of rights, All-Russian Society of Inventors and Rationalizers, Russian Writers Union, Russian Composers Union.

FINANCIAL LAW; TAX LAW; FISCAL LAW

**THE OBJECT OF TAXATION AS AN ELEMENT OF PROPERTY TAX
OF INDIVIDUALS**© 2019 **Babayan Zarine Mkrlichevna**

graduate student of the department of legal support of economic activity
Saratov Social and Economic Institute (branch) REU named after G. V. Plekhanov, Saratov, Russia
E-mail: zarine.k@yandex.ru

The structure of a separate tax offense is also associated with the object of taxation, or rather with violation of the rules for its accounting, which also emphasizes its importance in the mechanism of legal regulation of taxation. The object of taxation as an element of the legal construction of tax is very significant for the purposes of establishing, introducing, and collecting taxes, which indicates the need to study the essence of this concept, the improvement of the conceptual apparatus associated with this element.

Keywords: object of taxation, personal property tax, tax code of the Russian Federation, taxes, legality.

INTERNATIONAL LAW; EUROPEAN LAW

REGULATION OF MORTGAGE RELATIONS IN GERMAN LAW© 2019 **Pon'ka Viktor Fedorovich**

Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law, Process and Private International Law
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
E-mail: Vf_Ponka@mail.com

The article is devoted to the consideration of the main provisions of the legislative regulation of mortgage relations in Germany. The author analyzes the features of protection of interests of participants of mortgage legal relations.

The author concludes that stable legal regulation provides opportunities for reliable control over the system of mortgage lending and significantly reduce the cost of mortgage loans and related financial risks. It is noted that the legislation allows to develop different models of mortgage organization, taking into account the opportunities and interests of different groups of the population.

Keywords: mortgage, mortgage loan, German mortgage, mortgage market, interest rates

References

1. *Afanas'eva O.N.* Osobennosti razvitiya ipotechnogo kreditovaniya za rubezhom // Evrazijskij soyuz uchenyh. 2016. № 29.— S. 20–23.
2. *Grazhdanskoe i torgovoe pravo zarubezhnyh gosudarstv.* Uchebnik: V 2-htomah. T. 1 / Otv. red.: Vasil'ev E.A., Komarov A.S.— 4-eizd., pererab. idop.— M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2006.— 560 c.
3. *Egorov S.N.* Formirovanie ipotechnoj modeli v Rossii s primeneniem zarubezhnogo opyta // Vestnik CHuvashskogo universiteta. 2008 № 3.— S. 368–371.
4. *Ivanova A.A.* Sravnitel'nyj analiz ipotechnogo zhilishchnogo kreditovaniya v SSHA, Francii, Germanii i Rossii // Innovacionnye tekhnologii v mashinostroenii, obrazovanii i ekonomike. 2018. № 1–2.— S. 45–52.

5. *Konobeeva E.E., Konobeeva O.E.* Modeli razvitiya ipoteki: sovershenstvovanie i sozdanie konkurentnyh preimushchestv v organizacii zhilishchnogo kreditovaniya v Rossii // Rossijskoe predprinimatel'stvo. 2009. № 7. Vyp. 2. — S. 117–121.
6. *Mitrofanova N.O., Omel'chenko K.A.* O vedenii kadastra nedvizhimosti v Germanii // Vestnik SGUGiT. 2014. Vypusk 4 (28). — S. 72–79.
7. *Novakova S.YU.* Sovremennye zhilishchnye modeli ipotechnogo zhilishchnogo kreditovaniya i ih primenenie v Rossii // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2009. № 3. — S. 5–14.
8. Osnovnye instituty grazhdanskogo prava zarubezhnyh stran. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie / Avilov G.E., Vil'danova M.M., Gajdaenko N.I., Zalesskij V.V. i dr. / Otv. red. Zalesskij V.V. — M.: Norma, 2000. — 648 c.
9. *Pon'ka V.F.* O pravovoj prirode ipotechnogo krizisa v SSHA // Vestnik RUDN. Seriya: YUridicheskie nauki. 2010. № 4. — S. 102–109.
10. *Pon'ka V.F.* Osobennosti pravovogo statusa ipotechnyh organizacij SSHA v istoricheskoj retrospektive // Vestnik RUDN. Seriya: YUridicheskie nauki. 2010. № 3. — S. 49–54.
11. *Razumova I.A.* Stanovlenie i razvitie sistemy ipotechnyh bankov v Germanii // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2003. № 7. — S. 109–111.
12. *Truhina M.L.* Kratkaya harakteristika osnovnyh vidov ipoteki v Germanii // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 3. — S. 261–263.
13. *Husihanov R.U.* Osobennosti modelej ipotechnogo kreditovaniya v razvityh zarubezhnyh stranah // Vestnik universiteta. 2014. № 6. — S. 164–167